

Дарья Калинина

Смерть из консервной банки

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Смерть из консервной банки / Д. А. Калинина — «Эксмо», 2016

Как захомутать священника – головная боль каждой порядочной российской девушки. Ладно, пусть каждой второй, причем в расчет берутся только чемпионки по порядочности. На сердце благородного отца Андрея претендуют сразу три красавицы, но еще не ясно, кто из троих дойдет до финала, а кому и вовсе не нужен батюшка в качестве мужа, достаточно украсть старинную икону в храме, где он служит. Пишите иконы, девушки, или разводите шиншиллу, как главная героиня, и тогда уж точно или встретите любовь, или разбогатеете, или хоть расследования научитесь вести, так что любой священник будет без вас как без рук...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Калинина Д. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дарья Калинина

Смерть из консервной банки

© Калинина Д. А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

В древности люди верили, что каждому человеку на земле светит своя звезда с небес. Рождается новый человек – загорается и новая звезда на небе. Умирает человек – падает и его звезда. Самые яркие и крупные звезды полагаются земным правителям, властителям, героям и царям. Ну а тем, кому суждено прожить жизнь тихую и ничем не примечательную, тому и звездочка полагается маленькая и совсем тусклая.

Точно так же, как звезды на небе отличаются друг от друга, разнятся между собой и люди. Абсолютно одинаковых людей не бывает. Что звезды на небе, что деревья в лесу, что люди на земле – все разные.

Что касается характера человека и характеристик полагающейся ему звезды, то звезда Гаврилы Сумского должна была доставить астрономам немало беспокойных минут. Ни одного мгновения не задержалась бы эта звезда на одном месте. Двигалась бы постоянно, моталась из одной части звездного небосклона в другую, причем без всякой видимой цели, неупорядоченно, хаотично, рискуя постоянными столкновениями с другими звездами и лишь чудом избегая настоящей катастрофы.

Надо сказать, что Гаврила был с самого детства человеком предприимчивым и любознательным. За все-то он хватался, все-то ему было интересно, всюду-то он норовил сунуть свой курносый детский нос. И несмотря на попытки окружающих взрослых хоть немного умерить энергию мальчика, толку от этих попыток не было никакого. Едва узнав что-то новое, Гаврила тут же старался применить полученные сведения на практике, чтобы извлечь из них какую-то пользу.

Справедливости ради надо сказать, что старался он в первую очередь не для самого себя, а почти исключительно для своих близких. И тем обидней было сознавать, что на все его усилия близкие в подавляющем большинстве случаев реагировали резко отрицательно.

– Опять он что-то затеял, – сетовала бабушка родителям Гаврилы. – Ох, чует мое сердце, сожжет он нас на этот раз! В прошлый раз едва не взорвал, а в этот раз подожжет. Или затопит!

И чаще всего предсказания бабушки сбывались самым отчаянным образом. Когда Гаврила подрос, он даже начал подозревать, что тут не обошлось без нечистой силы. Бабушкины пророчества сбывались с удивительным постоянством, в пору было задуматься о том, что старушке подсказывает грядущее нечистый дух.

– Ты все время каркаешь, – пенял Гаврила бабушке. – Мне тетя Зина сказала, что у тебя глаз глазливый. Ты меня сглазила!

На эти упреки бабушка категорически возражала:

– Да зачем мне это?! Ты сам ходячее несчастье. На горе всем нам родился. А тете Зине твоей я ее собственные моргалы-то повыкалываю!

Впрочем, угрозы свои бабушка никогда не выполняла. Понимала, что для их соседки – тети Зины постоянное нахождение рядом с ней такого ходячего приключения, каким являлся ее внучек, и так являлось сильнейшим стрессом. Что и говорить, мальчик рос непоседливый, и с каждым днем шалости Гаврилы все больше тревожили его близких. Да и стремления порадовать родню в мальчике с годами все убавлялось, зато стремление получить от своих задумок какую-то личную выгоду все возрастало. И это тоже тревожило старушку.

– Эх, без отца растет мальчишка, – переживала бабушка. – Сладу с ним нет. Родной отец мигом бы приструнил да урезонил. А разве отчим сможет заменить родного батю? Ему и дела до парня никакого нету.

Бабушка была не совсем права, отчим уделял пасынку ровно столько времени, сколько у него находилось. Ну а то, что у замотанного жизнью мужика этого самого времени нахо-

дилось немного, тут уж ничего не поделаешь. Но горькие слова бабушки запали Гавриле в душу, он для самого себя уяснил: в семье он чужой, ни отчиму, ни матери, ни даже бабушке он особо не нужен. И потому все чаще он уходил из дома, чтобы на просторе заняться тем, что было интересно его уму и мило его сердцу.

Так как детство Гаврилы прошло в сельской местности, где простора для его выходок было предостаточно, и потому, что он обычно уходил для своих испытаний подальше от дома, то дом его родителей вопреки предсказаниям бабушки все же уцелел. А при испытании нового огнемета сгорел лишь хлев, в котором, впрочем, в этот момент не было никакой скотины.

Да еще один раз при сорвавшемся запуске ракеты на Марс вместо ракеты взлетел на воздух курятник все той же многострадальной тети Зины. Но опять же случилось это днем, когда подавляющее большинство поголовья птицы находилось на свежем воздухе, так что преждевременная кончина настигла лишь пару наседок, смерть которых была быстрой и, надо надеяться, безболезненной.

Ну а то, что плотину, где Гаврила пытался соорудить запруду для разведения карпов, прорвало, так это вообще от Гаврилы никак не зависело. И лично он сам понес убыток куда больший, чем прочие односельчане, которые жаловались на затопленные на нижних огородах посевы и унесенные возникшим потоком плохо привязанные к причалам лодки.

Школу Гаврила окончил не сказать чтобы очень уж хорошо. И причиной тому было все то же неумное стремление познать необъятное. Гаврилу интересовало слишком многое, чтобы он мог сосредоточиться на каком-то одном-двух предметах. Ему казалось, что так он упускает что-то очень важное, что ждет его в другом месте. И в результате после окончания с грехом пополам школы он имел сведения обширные, но весьма хаотично расположенные у него в голове.

Ничего удивительного в том, что с такими знаниями в высшее учебное заведение его не приняли, не было. Да Гаврила и сам в институты совсем не рвался. Просиживать за партой еще несколько лет казалось ему смертельно скучным занятием. Куда интересней было познавать жизнь на практике. Впрочем, по настоянию родителей он закончил училище, получил диплом слесаря и даже какое-то время поработал у своего дяди Пети, успев усвоить за недолгую практику не только необходимые навыки в слесарной работе, но также успев изучить все тонкости разведения кроликов (работа бабушки Люси) и отчасти – выпечку лаваша в тандыре (работа тети Вартуш, армянки по происхождению).

Но вот попытка Гаврилы изучить на практике малярную работу увенчалась для него провалом. Дядя Петя категорически восстал против появления у него в гараже неопознанной машины без номеров и документов, которую племянник пытался перекрасить в другой цвет.

– Вижу, ты у меня уже всему научился, умный стал, можешь заниматься делом самостоятельно. Иди себе с богом!

С таким напутствием дядя Петя выставил племянника из своего дома, придав движению того требуемое ускорение посредством мощного пинка под зад. Дядя Петя не выносил в этой жизни всего двух вещей – лжи и воровства. А племянник, сдалось ему, виноват был и в том и в другом.

На какое-то время Гаврила затосковал. Для самостоятельного бизнеса – хотя бы той же перекраски всех тех бесхозных машин – ему очень не хватало наличных. Взять кредит под туманные перспективы будущего процветания ему не удалось. Почему-то ни один банк не захотел счесть его идею поставки веников для слонов в Московский зоопарк делом достаточно перспективным для выдачи будущему миллионеру денег в долг.

Но все же нашлись люди, которым стремление Гаврилы к лучшей жизни показалось достаточно перспективным и само по себе. Эти ребята учили имеющиеся у Гаврилы навыки слесарного дела, а также любовь к чужим машинам и приняли его в свою дружную компа-

нию. На пару лет Гаврила полностью исчез с горизонта своей семьи. Затем вновь появился, но без копейки денег, что вызвало справедливое негодование родных, которые надеялись получить с отпрыска хоть какой-то барыш.

– Где болтался столько времени, нам не известно. Чем занимался, тоже не говоришь. Чем сейчас заниматься будешь?

– Деньги я добуду.

– И как?

– Сами придут.

– Ну и дурак! – заявила ему мать в сердцах. – Деньги сами ни к кому не приходят, их зарабатывать нужно.

Но недаром говорят, что дуракам везет. Не известно, был ли Гаврила таким уж дураком, но повезло ему изрядно. Он встретил девушку. И не просто девушку, а подругу, соратницу, верную помощницу, разделяющую все его идеи и смотрящую ему в рот с восхищением, которое, на взгляд окружающих, заслуживало лучшего применения. Вот так поехал в город на пару дней по какой-то надобности, а обратно вернулся уже со своей Катей.

– Он же пустобрех! – пыталась повлиять на будущую невестку мама Гаврилы, когда тот привез невесту из города к ним в село, чтобы познакомить с будущими родственниками. – Пустомеля! И не вздумай ему денег давать. Он у тебя их еще не просил?

– Что ты его слушаешь? – твердил Кате и ее будущий свекор. – Ты же умненькая девочка, институт закончила, зачем тебе наш обалдуй?

И собравшиеся за общим столом родственники чуть ли не хором пели городской невесте:

– Беги от него, пока не поздно! Непутевый он!

К чести родителей Гаврилы и прочей родни, они сделали все от них зависящее, чтобы уберечь Катю от свадьбы с их Гаврилой. Но любовь слепа, Катя была твердо уверена, что родители просто на Гаврилу наговаривают. Зачем? Конечно, считают ее недостойной их замечательного сына, вот и надеются, что она сама от него откажется. Как бы не так! Катя им еще докажет, что она достойна их любви и уважения и что они очень ошибались, когда думали, что она не годится в жены их сыну.

Свадьбу откладывать не стали – и жених, и невеста одинаково стремились к тому, чтобы сочетаться законным браком.

На другой день после свадьбы Катя выставила на продажу свою квартиру, так как они с Гаврилой решили, что поселятся в деревне.

– Но не с вами, – заявил Гаврила своим родственникам. – Достаточно вы мне крылья подрезали. Теперь у меня есть верный человечек, который меня во всех моих начинаниях поддерживает. Поселимся мы вместе с Катей и вдвоем с ней горы свернем! Вы нам еще завидовать будете!

Родители лишь скептически улыбнулись. Насчет будущего их сына у них были самые тревожные предчувствия. Несмотря на то что невестка им самим очень нравилась, они видели, что Гаврила заинтересован не столько в самой Кате, сколько в их общих планах на будущее.

После продажи городской квартиры Кати выбор молодых пал на располагающееся неподалеку от родного села Гаврилы местечко – Дубочки. В детстве Гаврилы на месте Дубочков была лишь тихо загибающаяся деревушка, в которой мирно доживали свой век несколько стариков со своими детьми, инвалидами либо алкоголиками. Но за последние десять лет Дубочки совершенно преобразились. И никакого волшебства тут не было. Просто с появлением в тех местах настоящего хозяина и сама жизнь там тоже изменилась.

Теперь на месте гнилых хибарок стояли новые дома. И народу в Дубочках отныне проживало значительно больше. Собственно говоря, обитатели Дубочков недавно отпразд-

новали появление на свет тысячного своего постоянного обитателя. А тех, кто приезжал в Дубочки на заработки или так, отдохнуть и насладиться сельской жизнью, было и еще в несколько раз больше.

Вот в этом месте, уже знакомом нашим читателям, и надумал поселиться Гаврила со своей молодой женой. Главой поселения и владельцем земель был Василий Петрович, который и понятия не имел о том, какого рода опасность нависла над его головой. Ведь обычно появление Гаврилы в жизни людей было чревато для них большими и малыми проблемами, неприятностями, а подчас так даже и стихийными бедствиями и экологическими катастрофами, как показал случай с неудачно запущенным Гаврилой еще в училище воздушным шаром. Шар почему-то не пожелал подниматься вверх, а врезался в ближайшую линию электропередачи, обрыв которой в свою очередь спровоцировал пожар из-за проезжающей мимо этого места цистерны с ацетоном. Пожар, который гасили и ликвидировали потом долго и всем миром.

Но как уже говорилось, ни о чем этом Василий Петрович осведомлен не был, а потому он лишь порадовался, что еще одна молодая семья выразила желание поселиться в Дубочках. Впрочем, проданная квартира жены и ударившее в связи с этим в голову Гавриле богатство заставили последнего загордиться необычайно. Впервые к нему в руки попала действительно крупная сумма денег, которой он и распорядился по-своему.

– Купим дом, – заявил он жене. – Но не в самих Дубочках.

– Почему?

– Не хочу быть у кого-то в подчинении, хочу жить на свободе рядом с поселком.

– Разумно ли это – селиться отдельно, когда я слышала, что Василий Петрович предоставляет всем своим работникам бесплатное жилье?

Но Гаврила, которому деньги окончательно помutilи рассудок, заявил:

– Не собираюсь я у чужого человека из милости жить! Еще чего не хватало! Не для того я столько всему учился и мир познавал, чтобы теперь на какого-то чужого дядю вкалывать да еще жить у него на хлебах и за каждый глоток воздуха его благодарить. Своим домом жить станем! Там и участок огромный, я уже знаю, как мы его с тобой используем с толком.

Катя не захотела спорить с мужем. Она еще не обвыкла со своим новым статусом замужней женщины и потому все предложения супруга воспринимала с восторгом. К тому же облюбованный мужем дом был совсем неплох – большой и просторный да и находился совсем неподалеку от Дубочков, которые, расширяясь с каждым годом, таким манером лет через десять-пятнадцать могли совсем поглотить их домик вместе с участком. А участок тут и впрямь был велик. Он занимал почти тридцать соток земли без всякого наличия соседей, что представляло известную привлекательность в плане расширения участка, пусть и не совсем законного.

Что делать с таким количеством земли, городская рафинированная Катя даже не представляла. У них с родителями, покуда те были еще живы, имелся маленький дачный домик с шестью сотками, и даже их обработать за летний сезон бывало не так уж легко. И Катя с некоторым страхом представляла, что может задумать ее неугомонный муж на таком куске земли. Неужели огород разобьет? Она видела, что у Василия Петровича многие поля были засеяны льном, другие – пшеницей, третьи – рожью или ячменем. Но на тридцати сотках много зерна не вырастишь. Так что же задумал Гаврила?

Делиться своими планами с женой Гаврила считал излишним. Он мужчина, он хозяин в доме. А ей надлежит повиноваться и восхищаться его деловой сметкой и смекалкой. Правда выяснилась через неделю после того, как молодые обустроились на новом месте, перевезли свою мебель, заказали необходимое, обставили дом, а Катя так даже устроилась на работу в детский сад в Дубочках воспитательницей в младшую группу.

Образование ей как раз позволяло заняться этой работой, а Гаврила не только не протестовал, но вроде как даже одобрил ее поступок. Сам он работать к Василию Петровичу идти пока что не собирался. Ему было не до того. Гаврила нанял несколько человек рабочих и вместе с ними начал подготавливать место для своего очередного грандиозного проекта, который должен был стать его лебединой песней и обеспечить им с Катей безбедное существование до глубокой старости.

Каждый день, возвращаясь с работы домой, Катя обнаруживала что-то новое, возникшее у них на участке. Сначала под открытым небом выросли длинные навесы, затем под ними обнаружились грубо сколоченные деревянные нары, а уже на нарах появились проволочные клетки.

– Кроликов собрался разводить? – догадалась Катя. – Или кур?

– Нет, не кроликов, не кур.

– А кого же? Перепелок?

– И даже не перепелок.

Раскрывать свой план до конца Гаврила не собирался. Но однажды, вернувшись домой с работы, Катя увидела мужа, поджидавшего ее у ворот. Муж явно не просто так ошивался тут. Едва он увидел Катю, как схватил ее за руку и велел закрыть глаза.

– Пойдем, пойдем! – интимно шептал он ей. – Пойдем скорее со мной.

Катя уже начала надеяться на что-то романтическое, но потом поняла, что муж ведет ее отнюдь не в дом. По дороге она дважды оступилась, один раз чуть не упала, а потом больно ударила ногу о какую-то деревяшку.

– Ой! – вскрикнула она и невольно открыла глаза.

А открыв, уже не могла их закрыть. Вчера еще пустые клетки сегодня ожили множеством серых пушистых зверьков. Их было так много, что казалось, в клетках шевелится сплошной мохнатый ковер.

– Э-т-т-то что такое? – слегка заикаясь от удивления, спросила Катя.

– Подойди и увидишь!

Катя подошла ближе и неуверенно уставилась на диковинных зверьков. Они были невелики, гораздо меньше кроликов, кругленькие, очень пушистые, с забавными мордочками и круглыми ушками. Она просунула в клетку палец и слегка коснулась ближайшего к ней зверька. Тот смешно хрюкнул и подпрыгнул на месте, демонстрируя свое недовольство. Несмотря на это, Катя снова дотронулась до его шерстки, очень уж мягкой и нежной она ей показалась. К ее удивлению, палец у нее ушел в шерсть почти наполовину, и лишь после этого она коснулась тельца самого зверька.

– Какая густая шерсть! – восхитилась Катя. – И мягкая!

– Еще бы! Это же шиншилла!

– Кто?

– Шиншилла. Не слышала?

Катя кивнула головой. Разумеется, слышала. Шуба из шиншиллы, кто же про такое не слышал? И теперь она разглядывала зверьков с куда большим интересом.

– Так вот вы какие... шиншиллы. Гаврюша, а зачем ты их купил?.. Да еще так много!

– Разводить буду. Очень выгодное предприятие. Я все подсчитал. Я купил сто штук, они еще маленькие, но растут быстро. Через полгода я их шкурки продам, часть зверьков оставлю себе на племя и на следующий год...

– Прости, – перебила его Катя. – Я что-то не поняла, какие шкурки ты продашь? Чьи?

– Шиншилл.

– Каких? Вот этих?

– Других-то пока нету.

– Ты что... – Катя не верила своим ушам, – ты хочешь их убивать?

– Конечно. Для того и развожу.

Катя смотрела на мужа так, словно первый раз его увидела. И Гавриле, как ни был он горд собой, отчего-то показалось, что смотрит она на него далеко не влюбленным взглядом.

– Это же доход, – попытался воззвать он к голосу разума жены. – Шиншиллы – это самый прибыльный зверек. Я купил их по тысяче, а продам...

– И как ты собираешься их убивать? Сам? Своими руками?

Гаврила собирался сказать жене, что справится сам, дело нехитрое, довелось ему на своем веку свернуть голову не одному кролику, но что-то удержало его от этой фразы.

– Ну это... найму кого-нибудь, – отвел он взгляд. – Все равно для ухода за зверями мне помощник нужен.

Катя покачала головой:

– Мне это не нравится.

Гаврила оторопел. За все время их супружества, впрочем, весьма недолгого, это был первый случай, когда жена осмелилась ему открыто возразить. И вместо того чтобы сразу поставить зарвавшуюся бабу на место, он попытался выяснить у нее:

– Да почему?

– Они такие милые малыши! Пушистики! Прыгают, сено жуют. Один вон яблочко грызет. Ручки у него, как у человека, кусочек пальцами держит. А ты хочешь обдирать с них шкуры?!

– Так я же не сейчас их собираюсь обдирать. Пусть подрастут сначала.

– Все равно. Тебе надо было со мной сначала посоветоваться. Я бы тебе сказала...

Гаврила выпрямился и грозно глянул на жену:

– Сказала? И что бы ты мне сказала?

– Что это плохая затея. Ты должен был посоветоваться...

– Советоваться еще? С тобой, что ли?

– Да, со мной.

– С какой стати мне с тобой советоваться? Разве ты понимаешь что-нибудь в разведении пушного зверя?

– Но зато я понимаю в человечности. И это не по-человечески – держать таких милых зверьков, кормить их, поить, заботиться о них, и все это для того, чтобы в итоге убить их и содрать с них шкуру.

– Что за глупости ты несешь? – Гаврила был в бешенстве. – Если бы я завел кроликов – ты бы не возражала?

– Кролики – это другое.

– Почему другое?

Катя замялась. Она и сама не могла четко сформулировать, почему кроликов можно убивать и даже сдирать с них шкурки, а вот шиншиллу – нет.

– Потому что у кроликов в ход идет еще и мясо, – нашла она с ответом. – А тут ты мясо выбросишь, так ведь? Выходит, что ты их держишь только ради их шкуры.

– Просто скажи, что тебе завидно, что это не тебе первой пришла в голову такая замечательная мысль.

– Мысль – отстой!

– А вот и нет!

– А вот и да!

Слово за слово, и молодые крупно поругались. Это была их первая размолвка, и они оба очень жалели о том, что так получилось. И тем не менее каждый из них был настроен настаивать на своем, потому что опять же каждый считал, что прав именно он.

Увы, история учит нас, что именно так и начинаются все самые серьезные конфликты, что в жизни людей, что в жизни семей, что в жизни целых стран и государств.

Глава 2

Тем не менее ссора или не ссора, а на следующий день Катя, как обычно, пошла в Дубочки. Детский садик в поселке начинал работу не в семь часов, как городские садики, а в шесть, чтобы работники фермы могли успеть к утренним работам, в том числе и дойке животных. Но Кате даже нравилось выходить из дома так рано. Несмотря на то что сейчас был ноябрь, самое мрачное и непривлекательное время года, Катя с удовольствием преодолевала полтора километра, которые отделяли ее от места работы.

Собственно говоря, пешком ей обычно приходилось пройти не больше ста метров, весь дальнейший путь она проделывала вместе с кем-нибудь из жителей Дубочков на каком-нибудь транспорте. Чаще всего это оказывались открытая тележка или закрытые дрожки, запряженные лошадьми. Если пахать и перевозить тяжелые грузы в Дубочках предпочитали на железной технике, то в повседневных своих передвижениях жители поселка чаще использовали живых лошадей. Во-первых, потому, что так было экологичнее, лошади, в отличие от машин, не отравляли воздух. А во-вторых, потому, что лошадей в Дубочках было просто очень много, и надо было их силы как-то использовать.

Само поместье, основанное Василием Петровичем исключительно на собственные средства и на собственном энтузиазме, изначально было конным заводом, который за истекшие годы значительно увеличился в размерах, оброс немалым числом хозяйственных построек и стал своего рода самостоятельным мирком, почти полностью обеспечивающим себя всем необходимым. У хозяина Дубочков была мечта, о которой знали все. Он надеялся вывести новую отечественную породу верховых лошадей, которая сможет конкурировать на равных в скачках с лучшими мировыми чемпионами. И не только участвовать, но и обходить их везде и всюду, где бы ни появлялась новая дубковская порода.

Кое-что у Василия Петровича и его зоотехников уже получалось, кое-что не удовлетворяло бы взыскательного критика. И весь побочный продукт, все поголовье, которое не удовлетворяло заводчиков по тем или иным качествам, переходило в частное пользование селян. Брели лошадей в хозяйство охотно. С кормами проблем тут не возникало, земли вокруг было предостаточно. Поэтому если не в каждом дворе, то в очень многих жили одна или даже две лошади. На них ездили на работу, на них перевозили нетяжелые грузы, на них просто катались ради собственного удовольствия. И конечно, любой житель Дубочков был рад оказать услугу новой воспитательнице малышей и подвезти ее до детского садика на своем возке.

Сначала Катя смущалась от такой доброты жителей Дубочков, но те неизменно объясняли ей свою позицию одинаково:

– Нам ведь не трудно вас подкинуть до садика. А чем раньше вы приступите к работе, тем раньше мамочки сумеют прибежать на работу, тем лучше будет для всех нас.

Катя уже отметила, что люди в Дубочках работали, что называется, с душой. Никто не отлынивал от дела, все старались, как могли. Но и надрываться из последних сил тут тоже никому не позволяли. Если начальник видел, что кто-то из его сотрудников плохо себя чувствует или ему просто нездоровится, человека немедленно отправляли отдохнуть. А иначе можно было схлопотать выговор и от самого хозяина поселка, который, казалось, обладал удивительным даром быть одновременно в нескольких местах, присутствовать всюду и знать обо всем, что делалось у него в Дубочках.

Обычно стоило Кате выйти из дома и двинуться к Дубочкам, как настроение у нее тут же повышалось. Она и сама толком не могла определить, почему так получается. Вроде бы мужа своего она любила, новый дом ей очень нравился, но по пути к Дубочкам настроение у нее неуклонно повышалось, а вот на обратном пути вроде как понижалось или, во всяком случае, оставалось без изменения, лишь нарастало какое-то тревожное чувство. Катя никогда

не знала, к чему она вернется домой. Ее муж оказался большим фантазером и выдумщиком. И далеко не все его выдумки казались Кате удачными.

Возможно, именно потому она так сильно и вспылила вчера из-за этих шиншилл, что муж за истекшие дни уже изрядно потрепал ей нервы. То он куда-то исчезал, не сказав ей ни слова и даже позабыв оставить записку. То в доме появлялись какие-то запакованные тюки, которые потом так же таинственно исчезали. То в гараже появлялась машина, которая через день-другой опять же куда-то девалась. Кате даже стало казаться, что из-за всех этих появлений и исчезновений Гаврила и захотел жить не в Дубочках, а поселился отдельно от других людей. Так никто, кроме Кати, не мог видеть всего этого, соседей рядом с ними никаких не было. А вот поселись они в поселке, любопытных глаз было бы не избежать.

Сама Катя, предоставь муж ей выбор, предпочла бы жить в самом поселке. Так ей было бы и удобнее добираться до работы, и веселее в плане общения. Народу в Дубочках было много, в том числе и молодежи. Так что по вечерам тут и пели, и плясали, и концерты бывали, и много еще разных развлечений – ярмарки, выставки и прочее, прочее, что придумывали Василий Петрович и здешний священник – отец Андрей.

После вчерашнего объяснения с мужем весь день Катя была сама не своя. Первая ссора с мужем больно потрясла ее. А еще хуже было то, что Катя не понимала, почему ей показалась такой отвратительной вся эта задумка Гаврилы с шиншиллами. Ведь если вдуматься, что тут такого особенного? Будто бы сама она не ходит зимой в шубке. И пусть шубка у нее всего лишь из полированного мутона, но все-таки какая-то овечка, а то и несколько были вынуждены расстаться с жизнью, чтобы ей – Кате – было зимою тепло. Почему же задумка мужа вызвала у нее такое отторжение?

Даже в садике заметили, что с новой воспитательницей что-то не так. После обеда Катю позвала к себе заведующая и спросила:

- Вы чего такая квелая? Не выпались?
- Да, что-то мне не по себе.
- Небось молодой муж спать не давал?

Она улыбнулась, но Катя на ее улыбку не ответила. Все утро она держалась, но тут на глазах у нее неожиданно навернулись слезы, а потом и вовсе потекли по щекам.

- Это еще что такое? – удивилась заведующая. – Откуда сырость?
- Я... я с мужем поссорилась.
- Из-за чего?
- Глупость какая-то.

И Катя рассказала участливо слушающей ее Зое Петровне, как было дело. Она думала, что заведующая поднимет ее на смех или вовсе назовет дурой или даже истеричкой, но та неожиданно серьезно посоветовала:

- Ты зайди в храм к нашему батюшке.
- Зачем?

– Поговори с ним. Он сам в прошлом психолог, практиковал как раз в области семейных отношений. Думаю, что он тебе и как бывший психолог, и как священник что-нибудь полезное подскажет.

- Думаете, у нас с Гаврилой все так плохо, что надо уже к психологу идти?
- Пока нет, но станет, если не разберешься в проблеме прямо сейчас.

Катя задумалась. И так как на сегодня ее работа была закончена, дети уже спали у себя в кроватках, а сменщица готовила в маленькой боковой комнатке материал для вечерних занятий, девушка решила. Она вышла на улицу и побрела в направлении новой церкви, возведенной посередине поселка стараниями владельца Дубочков.

Храм во имя Рождества Богородицы стоял на горке специально, чтобы его золотые маковки были видны издали. Но раньше Катя лишь видела его белые стены, а внутрь не

заходила. Что ей там делать? Они с Гаврилой вообще были не религиозны. И не венчались, и даже мыслей таких у них не было. Катины родители были воспитаны в духе атеизма, и Гаврилы предки тоже особой роли Богу в своей жизни не отводили. Бабка, правда, крестилась в особых случаях на иконы, которые висели у нее в углу, но и только. Молитв не читала, постов не соблюдала, и дочь с зятем к тому же самому не склоняла. Спросила у молодых, будут ли они в церкви венчаться, вроде как сейчас это модно, но услышав, что не будут, быстро успокоилась и сказала, что и правильно.

Конечно, когда Катя жила в городе, иной раз она заходила в городские храмы, но главным образом для того, чтобы ознакомиться с их внутренним убранством, которое по большей части оказывалось весьма пышным и богатым. Как с этим обстояло в Дубочках, девушка понятия не имела. И вот теперь ей предстояло исправить этот промах.

Место, которое Василий Петрович выбрал для строительства, было очень живописное, к церкви вела аллея из молоденьких каштанов, высаженных несколько лет назад, но отлично принявшихся. Также строителям удалось сберечь старинные липы, которые окружали церковь хороводом. Но самым главным украшением были два больших клена, росших перед входом, которые до сих пор были наряжены в последние золотые и красные листья.

Эти клены напоминали Кате охранников и строгих сторожей. Она даже чего-то вдруг заробела, не зная, стоит ли идти внутрь, чтобы поговорить со священником. Ну, чего ей отвлекать человека? У него, может, дела. И потом, платка у нее нету. И в брюках она. В церковь ведь вроде бы в брюках и с непокрытой головой нельзя приходить? Катя уже почти решила повернуть назад, отговорившись перед самой собой, что придет в другой раз, когда экипируется более подходящим образом, но внезапно дверь церкви отворилась, и из нее выскользнула молодая девушка, еще моложе самой Кати.

Катя невольно вытаращила глаза на эту особу. Вот уж не ожидала увидеть тут подобного вида персону. Где угодно, но только не в этом месте. Девушка была ярко, даже вульгарно накрашена, вытравленные до белизны волосы торчали во все стороны. И одета она была настолько неподобающим для такого места образом, что у Кати на свой счет пропали всякие сомнения. Если сюда кому-то можно являться в короткой юбчонке, колготках сеточкой и макияже а-ля шалава с трассы, то чего уж ей-то, скромной воспитательнице детского сада, стесняться?!

Размалеванная деваха скользнула по Кате враждебным взглядом, быстро огляделась по сторонам, а потом, прижимая к груди сумку, прошмыгнула мимо нее и бросилась бежать с горки. Немного удивившись такой ее поспешности, Катя толкнула дверь и оказалась в теплом, пахнущем воском и ладаном помещении. Церковь была деревянная, и от этого в ней тоже создавалась какая-то особенная атмосфера. Кате в жизни случалось бывать в городских храмах, но там она всегда робела, терялась и не знала, что ей делать и куда девать свои руки. А тут вдруг почувствовала себя словно дома, только еще лучше.

– Батюшка, – робко позвала она и, так как никто не отзывался, повторила: – Батюшка или... или кто-нибудь.

Никто не отзывался. Чтобы не терять даром времени, Катя с любопытством огляделась по сторонам. Внимание ее привлек к себе иконостас, закрывающий собой алтарную часть церкви. Он также был деревянным, но все пространство между иконами заполняла изумительная по тонкости, изяществу и красоте художественная резьба.

Невольно залюбовавшись дивным зрелищем, Катя шагнула ближе, чтобы разглядеть получше. Для этого ей пришлось обогнуть подсвечник с несколькими горящими свечами, стоящий перед высоким пустым столиком с неудобной покатою столешницей. Столик был пуст, хотя на нем, наверное, должна была лежать какая-нибудь икона или изображение святого. Катя еще удивилась – зачем тут горят свечи, ведь их зажигают перед иконами, разве нет?

Но тут она случайно задела ногой медную миску, стоящую на полу, куда служительницы сбрасывали огарки свечей. Миска заплескала по полу с громким звуком. И в ту же минуту из-за маленькой боковой дверки выглянул священник. Его взгляд встретился с Катиным, и они замерли. Симпатичный, подумала про себя Катя, и приободрилась. Она предпочитала общаться с симпатичными ей людьми, так общение шло всегда как-то легче. Что подумал про себя священник, увидев Катю, сказать было трудно, потому что лицо отца Андрея, как обычно, было невозмутимо. Убедившись, что возмутительница тишины в храме ничего дурного не имела в виду, виной всему случайность, он собрался скрыться в своем убежище, но Катя его остановила:

– Простите за беспокойство, вы ведь здешний священник?

– Ну, во всяком случае, с утра был им.

Убедившись, что священник способен изъясняться вполне нормальным, человеческим языком и даже шутить, Катя еще больше приободрилась. Почему-то ей до сего дня казалось, что священники просто обязаны изъясняться велеречиво, так что с трудом поймешь. А в самом худшем случае, так и вовсе чешут по-старославянски, так что вообще из их речей ничего не понять. Но этот батюшка и говорил понятно, и выглядел обычным человеком. Ну, разве что борода была и одет в рясу.

– Понимаете, у меня проблема. Правда, не знаю, стоит ли вам рассказывать о ней или не стоит отнимать ваше время.

– Мое время принадлежит вам.

– Правда?

Катя обрадовалась еще больше. Давно ей не встречался такой обходительный и вежливый собеседник. Она даже пожалела, что раньше не заходила в церкви, чтобы просто побеседовать там со священниками. Знала бы, какие они приветливые и милые, обязательно бы заглянула еще в городе. Хотя, кто знает, возможно, городские священники держатся куда горделивей и напыщенней, все-таки служат не где-нибудь, а в больших каменных соборах, пышно украшенных и богатых. А богатые, они всегда немного зазнаются. Это Катя хорошо знала по собственной родне – дяде и тете.

Тут надо сказать, что после смерти своих родителей, скоропостижной и внезапной – отец умер от инфаркта, а спустя пару месяцев тихо скончалась и мама, просто последовала за своим мужем, – у Кати в целом свете не осталось никого, кроме этих дяди и тети. Дядя раньше служил в полиции, а теперь работал в Смольном, тетя жила в Польше и была замужем за фабрикантом, выпускавшим какие-то резиновые изделия, тетя никогда не уточняла, какие именно. Но как бы там ни было, дела у него шли хорошо, жаловаться на плохие продажи резиновых изделий не приходилось. И Катя почему-то рассчитывала, что дядя, который жил с ней в одном городе, или хотя бы тетя, которая всегда клялась, что любит ее, словно родную дочь, немного поддержат ее после потери родителей. Ну, хотя бы в первое время. Хотя бы морально. Но этого не случилось.

Да, наверное, глупо было на это рассчитывать. Ведь когда и родители были живы, дядя и тетя не баловали их своими визитами. Приезжали один раз в год, в новогодние или рождественские каникулы, и всегда подчеркивали, как дорого их время, чтобы они тратили его на такие вот не приносящие ровным счетом никакой пользы посиделки с родными. К себе дядя с тетей их никогда не приглашали. Подразумевалось, что Катя с родителями должны были ценить и такое раз в году выпадавшее на их долю счастье.

Катя всегда удивлялась, что дядя с тетей были удивительно похожи друг на друга, хотя друг другу кровной родней и не приходились. Дядя был братом Катиной мамы, а тетя являлась сестрой Катиного папы. Но оба они держались одинаково высокомерно, хотя сами называли это «независимо». Оба поглядывали на окружающих с одинаковой смесью брезгливости и снисходительности, хотя называли это «добротой». Все это делало их копиями друг

друга. Катя частенько думала про себя, что, видимо, обеспеченная жизнь сделала дядю с тетей такими похожими один на другого.

Почему Катя вдруг вспомнила сейчас про своих родственников, сказать было невозможно. Но она так обрадовалась, что здешний батюшка не стал зазнаваться, а по-простому заговорил с ней, что сразу же выложила ему и про ссору с мужем, и про убийство шиншиллы, запланированное Гаврилой чуть ли не в промышленных масштабах. И как ей нелегко принять правильное решение.

И высказавшись, уставилась на священника:

– Что вы на это скажете?

Священник покачал головой:

– Надо же... А вы выглядите такой юной. Не думал, что вы уже замужем.

– Спасибо. Но что вы скажете по поводу нашей ссоры с мужем?

Кате показалось, что священник собирался пожать плечами, они у него даже дернулись, но в последний момент он, видать, сообразил, что такое легкомысленное отношение к проблеме посетительницы будет недостойно его священнического сана, и удержался.

– Священное Писание учит нас, что жене надлежит покоряться своему мужу. Ибо таков порядок на земле. Но со своей стороны я прибавлю, что будь я на месте вашего мужа, то я бы...

Что бы сделал священник на месте мужа Кати, так и осталось под завесой тайны. Потому что отец Андрей неожиданно сильно выпучил глаза, уставившись куда-то за спину посетительницы. Вид у него был до такой степени потрясенный, что Катя тоже невольно оглянулась. Что там такое? Но она не увидела позади себя ровным счетом ничего подозрительного, только лишь тот пустой столик, возле которого по-прежнему горели свечи.

Катя повернулась назад, но батюшки не увидела. За эти секунды священник уже обо-гнул Катю и теперь громко хлопал ладонью по упомянутому столику, словно что-то потерял и надеялся отыскать на ощупь.

– А где икона? – воскликнул он, подняв на Катю глаза.

– Какая икона?

– Икона Святого Иакова, единокровного брата Спасителя нашего.

Священник нырнул под столик, словно Иаков как-то мог сам спрыгнуть на пол. Ясное дело, никакой иконы там не оказалось, это было видно и так. Но словно не доверяя своим глазам, священник принялся ползать по полу, бормоча и горестно причитая:

– Икона... Икона пропала... Восемнадцатого века! В серебряном окладе! Выдана отцом архимандритом на время праздничного дня! По моей нижайшей просьбе! Под мою ответственность! И где она?

И вынырнув из-под столика, он устремил на Катю взгляд, в котором читалась настоящая паника, и воскликнул совсем уж в отчаянии:

– Пропала!

Катя молчала. Она просто не знала, что сказать. Но священник ждал от нее какой-то реакции, и девушка спросила:

– А где она была, эта ваша икона?

– Да вот тут же! Тут! На аналое лежала!

И священник хлопнул рукой по высокому столику, который только что так тщательно обыскал сверху донизу и даже пол под ним обшарил.

– Когда я пришла, на вашем аналое уже ничего не было. Он был пустой.

Взгляд у священника сделался совсем диким. И взглянув на Катю, он воскликнул:

– Вы! Вы могли ее взять!

– Что? – возмутилась Катя. – Вы в своем уме?

– Конечно, это вы ее взяли! Пришли тут, историю какую-то про мужа придумали. Да я сразу понял, что никакого мужа у вас нету!

– Почему это нету?

– Потому что рано вам еще замуж! Признавайтесь, куда вы дели икону?

– Никуда я не девала.

– Украли и спрятали! – настаивал священник.

– У меня ничего нету.

– Нет?

– Нет. Хотите, сумку вам покажу?

Но священник отмахнулся.

– Не надо мне вашей сумки!

– Нет, вы посмотрите.

– Говорю, не надо. И так ясно, что в вашей сумке моей пропажи нет.

– Что это вдруг вы так резко поверили в мою невиновность?

– В вашу сумку икона элементарно не поместится, – пояснил священник Кате. – Икона для вашей сумки слишком велика.

Вот оно в чем дело!

– Значит, моя сумка слишком маленькая? – задумчиво уточнила девушка.

– Икона вместе с окладом была вот такого размера.

И священник отмерил расстояние от кончика своего подбородка до пупка.

– Да, такого размера икона в мою сумку точно не поместится.

И вдруг Катя вспомнила о вульгарно раскрашенной девице, с которой столкнулась в дверях. Вот у той как раз была большущая сумка. И прижимала ее девица к своей груди с таким видом, будто бы там лежало невесть какое сокровище. Довольно увесистое сокровище.

И хлопнув себя по лбу, Катя воскликнула:

– Стойте! Кажется, я видела вашу воровку!

– Видели? – воспрянул священник. – Где?

– Когда я входила в церковь, то навстречу мне попалась какая-то девица, у которой в руках как раз была подходящего размера сумка.

– Давно это было?

– Минут пять, нет, десять назад. Стойте, она уже убежала.

Тем не менее священник кинулся к дверям, словно надеялся застать преступницу там. А кто его знает, может быть, и впрямь ожидал, что злодейка, укравшая у него икону, уже раскаялась в своем поступке и стоит за дверями, желая вернуть покражу. Катя последовала за батюшкой. И вдвоем они убедились, что злодейки на улице и след простыл. Вокруг были лишь деревья, да внизу по дороге проезжали машины и тележки. Девушки в короткой юбке среди них видно не было.

– Что же делать? – повернулся к Кате священник. – Ее нету! Как она хоть выглядела?

Катя постаралась максимально подробно описать ему вульгарную девицу. И священник покачал головой:

– Такой особы я не знаю. Она явно нездешняя. Всех жителей Дубочков и окрестностей я знаю в лицо. Эта девушка приезжая.

– Может быть, в полицию обратиться? Икона была ценной?

– Очень ценной! В том-то и дело! Любую икону жалко, если украдут, но икону современного письма можно восстановить, приобрести заново копию. А восстановить эту икону просто невозможно!

– Что же вы такую ценную вещь и без присмотра оставили?

– Так ведь это же икона!

Священник воззрился на Катю с величайшим негодованием.

– Икона должна находиться в храме. Как мне могла прийти в голову мысль, что кто-то может посягнуть на святое? Что кто-то украдет из церкви реликвию... Да еще здесь! В Дубочках!

Катя была вынуждена признать, что ситуация с преступностью в Дубочках и впрямь была очень благополучной. Когда они покупали дом, то главным преимуществом покупки бывшие владельцы дома объявляли тот факт, что тут в округе было очень тихо. Ни драк, ни пьянства, ни случаев воровства не случалось или почти не случалось. А если случалось что-то подобное, то провинившегося просто выселяли из поселка с запретом появляться в окрестностях Дубочков вплоть до полного исправления хулигана.

– Я вас понимаю, – вздохнула Катя. – Вы не ожидали от воров такой дерзости.

– Понимаете меня? – устремил священник на нее взволнованный взгляд. – Правда? А вот отец Тихон, давший мне икону, боюсь, меня не поймет.

– Но вы же не виноваты, что у вас украли его икону. Это же не вы сделали.

– Ему-то от этого не легче! Икона пропала! А возможно, что-то и еще исчезло. Да! Правильно! Надо мне посмотреть, не пропало ли еще что-нибудь ценное!

И священник повернул назад в церковь. Катя замерла в нерешительности. А что делать ей? Уйти? Так неудобно оставить человека в таком бедственном положении. И потом, она вроде как является свидетельницей преступления. Если икона не найдется, то им нужно будет пойти в полицию, заявить там о факте кражи, заполнить и подписать кучу документов.

До того, как перейти на работу в Смольный, дядя служил в полиции. Поэтому Катя была наслышана о тяжелой рутинной работе полицейских, которая заключалась вовсе не в слежке и задержаниях, а в нудном заполнении многочисленных бумаг. Но деваться некуда. Дело есть дело. В итоге Катя тоже повернула назад и зашла в церковь, где отец Андрей в спешном порядке проводил ревизию выставленного на всеобщее обозрение церковного имущества.

– В ризницу она не заходила, в этом я уверен. В ризнице был я. Так что надо смотреть тут... в храме.

После осмотра молитвенного зала священник несколько успокоился. Ценная пропажа была всего одна. Правда, еще из кассы пропали деньги.

– Но там было немного.

В кружку для пожертвований воровка не полезла. На ней висел замочек, и, чтобы его сломать, пришлось бы пошуметь.

– А ей было важно, чтобы ее присутствия я не услышал. Иначе я бы обязательно вышел.

– Вам надо повесить над дверью колокольчик. Как в магазинах, знаете?

– Как в магазинах, говорите? Хм... Да у нас тут и так слишком многое, как в магазине. Если еще и колокольчик над входом повесить...

Он не договорил. Но было похоже на то, что предложение Кати пришлось священнику не очень-то по вкусу. Хотя Катя и не понимала, почему именно. Колокольчик над входом – это же удобно.

– Обычно в храме дежурит матушка Анна, – стал объяснять ей священник. – Но сегодня она, как на грех, не смогла прийти.

– А помощник? У вас ведь должен быть помощник, не так ли?

– Помощник у меня есть всего один – отец Николай, дьякон. Но он тоже занедужил, как и матушка Анна. Последняя прибирает в храме, моет, заведует хозяйством, следит за порядком. Но она женщина уже пожилая, сегодня у нее прихватило спину. Говорит, что ни разогнуться, ни с кровати встать не может. Куда ей в таком виде работать?

– Слушайте, а мне тут пришла в голову мысль: может быть, эта девица, которая стащила вашу икону, она родственница этой матушки Анны? Или ее знакомая?

– С чего вы вдруг так решили?

– Но кто мог знать, что вы сегодня в храме будете один? Только те, кто знал, что матушка Анна осталась дома. Ее близкие!

Священник с удивлением взглянул на Катю.

– А ведь это отличная мысль! – воскликнул он. – Пойдемте, пойдемте скорее с вами к матушке Анне.

– Как? И я тоже?

– А как же? Вы же единственная, кто видел воровку. Кто же, как не вы, сможет ее узнать?

Отец Андрей сходил за ключом, затем тщательно проверил, закрыты ли окна, запер дверь, на всякий случай перекрестил еще замок и прошептал над ним короткую молитву. И лишь затем кивнул головой Кате, призывая ту следовать за ним, и помчался вниз с горки, так что полы его священнического одеяния развевались у него за спиной, словно крылья какой-то удивительной птицы.

Глава 3

Между тем в главной усадьбе Дубочков еще ничего не знали о случившемся несчастье, тут жизнь шла своим чередом. Жена хозяина поместья – Алена собрала всех людей, работавших в доме, чтобы побеседовать с ними об увеличившемся расходе порошков, гелей и прочей бытовой химии, крайне необходимой для поддержания нормальной чистоты и жизнедеятельности усадьбы и находящихся тут людей и вещей.

– Объясните мне, куда все девается? Количество людей, проживающих и работающих в усадьбе, осталось неизменным, даже несколько сократилось по сравнению с прошлым годом, а потребление моющих средств, наоборот, выросло больше чем в два с половиной раза. Как такое происходит? Мы что, стали мыться в два раза чаще? Или посуду стали перемывать по несколько раз? Так ведь потребление воды вроде как осталось неизменным. Без воды посуду моете?

– Вы, Алена Игоревна, прямо детектив у нас, – подала голос тетя Паша, их повариха и старейшая из работающих в доме слуг.

По этой причине ей позволялось куда больше, чем другим слугам. И лично к тете Паше у Алены претензий не возникало. Расход химикатов, которые проходили через кухню – вотчину поварихи, оставался неизменным из года в год. Тут воровства Алена не подозревала. У тети Паши был ряд других странностей, но в ее честности сомневаться Алене никогда в голову не приходило. Чего нет, того нет.

А вот другие сотрудники, Алена даже подозревала, кто именно, приворовывали. Как им казалось, немного и незаметно, но Алена все равно обнаружила. Ей было неприятно начинать этот разговор, но она понимала: просто уволить людей, которые, возможно, всего лишь немного оступились, она не может. Прямо сказать человеку, что он у нее ворует, она тоже не могла. Во-первых, не пойман – не вор. А за руку Алена никого еще не ловила. Хотя и понимала: если этот разговор не поможет и полироли с доместосами продолжают исчезать, придется и ловить. Потому что жить под одной крышей с человеком, которого не только подозреваешь, но и знаешь о нем, что он вор, – противно.

– Если кому-то кажется, что мы с Василием Петровичем недостаточно платим за его услуги, этот человек может подойти ко мне и поговорить. Но красть у нас за спиной – это гадко.

– Скажете уж – красть... – проворчал кто-то из прислуги. – Что такого ценного у вас пропало?

– Могу перечислить, – отозвалась Алена, извлекая из кармана список.

К разговору она готовилась не один день и даже не одну неделю, так что могла возразить любому оппоненту. Увидев в руках у хозяйки внушительных размеров список, все притихли. Впрочем, когда Алена начала читать, все снова заулыбались.

– Средство для мытья посуды – три бутылки, – читала Алена, – дезинфицирующее средство для чистки сантехники – три бутылки, чистящее средство для мытья кафеля и пола – три бутылки. Туалетная бумага – пятнадцать упаковок, туалетное мыло на основе вербены – три куска, с ароматом мяты – два куска.

– Ну, смыли его, – крикнул кто-то. – Это же мыло! Неужели вы мыло станете считать, кто и сколько истратил?

– Или туалетную бумагу?

Алена покраснела.

– Дело не в том, что мне жалко этого мыла, или салфеток, или полироля. Просто я чувствую, что в доме завелся человек, который считает себя умнее остальных. А это до добра никого еще не доводило.

– Так вы скажите прямо, кого подозреваете. И все!

– Нет, так было бы слишком просто. А я бы хотела, чтобы этот человек сам осознал свое недостойное поведение. Я понимаю, что он думает. Ему кажется: ну, что я там у хозяев взял? Пустяк. Они и не заметят. Но с пустяков-то все и начинается. Сегодня – пара баллончиков средства для освежения запаха туалетных комнат, завтра килограммчик стирального порошка, послезавтра – резиновые перчатки. Кто заметит? Ведь ерунда, как вы правильно сказали, расходный материал. Но начинается-то все как раз с малого. Сегодня – туалетная бумага, завтра – бумага для принтера, а послезавтра что? Секретные документы из сейфа?

– Ну, это вы скакнули! Где просто бумага, а где документы!

– Путь всегда начинается с маленького шажка. Потом еще и еще. И очень важно вовремя понять, в какую именно сторону ты движешься. Потому что может быть и такое, что, когда обнаружишь, что дорога-то совсем не та, которую ты когда-то для себя выбирал, уже слишком поздно. И забрел ты по ней уже так далеко, что вернуться очень трудно, если вообще возможно.

Она еще поговорила в том же духе, чувствуя, что люди начали прислушиваться к ее словам. Но нравоучительную беседу прервал телефонный звонок.

– Да, – ответила Алена. – Да, отец Андрей. Подождите, не кричите так. Что случилось? Что у вас украли?

И сделав знак сотрудникам, что на сегодня разговор с ними окончен и они могут расходиться по своим делам, Алена повернулась и вышла из комнаты. Оставшиеся одни сотрудники переглянулись между собой.

– Вот так, – произнесла тетя Паша, вроде бы ни к кому конкретно и не обращаясь. – А я ведь предупреждала, что Алена Игоревна дурачить себя не позволит.

– Да что ты, Паша! – откликнулась с усмешкой полная женщина – ровесница поварихи, но с неприятным, каким-то лукавым лицом. – Ну, почудилось хозяйке. Может, чуток больше истратили мои девочки в этом месяце моющих средств, чем в прошлом, так из-за чего тут огород городить?

– А из-за того, моя дорогая, что банка к банке, коробка к коробке, флакон к флакону, а тысяча рубликов в день у кого-то набегает. А в месяце, напомнить, сколько дней? То-то и оно, что тридцать, а иногда и тридцать один. Да еще если сама приворываешь, а подчиненным не даешь, так донести могут. Выходит, надо и им хоть на сотку в день чего-нибудь дать. А сотка в день на десятерых – это уже новая тысяча. Снова неладно выходит. Им тысячу и себе только тысячу? Нет, себе надо больше! Ведь как же: начальство – и меньше своих подчиненных воровать станет?!

– Ты это, Паша, в чей огород метишь? – спросила та же самая женщина, но уже без всякой улыбки. – Ты чего мелешь? Какая тысяча? Кому?

Тетя Паша не стала отвечать, поднялась и молча направилась к дверям. Но женщина, явно обиженная ее репликой, не желала отстать от нее.

– Ты тут не намного дольше моего работаешь, так что нечего меня и учить. Или ты хозяев пожалела? Так небось, когда ты у себя на кухне свои дела крутишь, я к тебе не лезу и в кастрюли твои не заглядываю. А ведь тоже могла бы посчитать, сколько ты на мясе в месяц выигрываешь! Небось по кастрюле каждый вечер за ворота выносишь! Видала я тебя!

– Дура ты, Лорка, – беззлобно ответила ей тетя Паша. – Кастрюля эта пустая. У меня такой родни, как у тебя, нету. Одна я, для кого мне хозяйский кусок тайком таскать?

И вышла. Следом за ней вышли еще несколько человек. Но большая часть прислуги осталась в комнате возле той женщины, которую тетя Паша назвала Лорой. По взглядам, которые эти люди кидали на Лору, было ясно, она у них пользуется авторитетом.

– Достала меня эта дура, – злобно произнесла Лора, глядя вслед тете Паше. – Наушница хозяйская.

- Думаешь, это она наябедничала про нас?
- Вряд ли. Хозяйка сама что-то смекнула.
- То-то она только про бытовую химию говорила!
- О прочем и не заикалась!

– Я уж испугалась, что она про списанную мебель спросит, – произнесла старшая горничная. – А она-то у моей мамы на даче под Харьковом стоит, обратно везти далеко будет да и накладно. Если всякий раз, как Алене Игоревне придет охота на свою старую мебель взглянуть, ее туда-сюда таскать, так это дешевле было бы на месте хоть какую-нибудь мебелишку купить.

– Ты еще и недовольна? – зыркнула на нее Лора. – Знала бы, что ты такая неблагодарная, себе бы взяла!

Горничная отвернулась в сторону и прошептала:

– Конечно, взяла бы. А куда бы ты ее поставила? К себе домой?

А Лора все не унималась:

– Итальянский массив, а эта... еще и недовольна! Да такая мебель твоей матери и во сне не могла привидеться. Там одна только мраморная столешница дороже, чем вся ваша дача. И у твоей матери весь ее век простоит, так еще и твоим собственным внукам достанется. Девки, говорю вам, такие хозяева на вес золота. Они же ни счета толком не проверяют, во всем на нашу с вами честность полагаются. Это же настоящее Эльдorado. Одна проблема... Паша. С ней надо что-то делать. Так работать с ней вместе нам все равно невозможно будет. И вот что я предлагаю сделать...

И, склонившись поближе к Лоре, оставшаяся часть прислуги принялась обсуждать план нейтрализации деятельности тети Паши и лишения ее доверия хозяев.

А тем временем Алена, даже не подозревая о том, к сколь неожиданным последствиям привела ее профилактическая беседа о вреде мелкого воровства, слушала взволнованную речь священника.

Отец Андрей перебрался к ним в поселок не так давно. Алена еще не успела достаточно близко узнать их нового священника, но ее уже радовал тот факт, что отец Андрей, будучи человеком молодым, был также куда менее строгих нравов, чем их прежний батюшка. С тем было жить очень сложно, чуть что, ему уже всюду мерещился смертный грех, с которым он боролся прямо-таки нещадно.

Бедного Василия Петровича прежний священник так запугал, что муж Алены совсем отказался от животной пищи, чтобы случайно не перепутать вторник со средой, а четверг с пятницей. Нынешний священник к подобным упущениям относился куда легче, мелкие грешки отпускал без лишнего драматизма, лишь неустанно напоминал, что пища телесная ничто по сравнению с пищей духовной. И потому лично он желал бы видеть у своей паствы не столько строгое соблюдение постов, сколько творение добрых дел, благие мысли и благорасположенность к своим близким. Ну а с этим у Василия Петровича проблем никогда не возникало. Более щедрого на добрые дела человека Алена просто не знала.

Но сейчас отцу Андрею было не до душеспасительных бесед, он искал, как бы кто-нибудь спас его собственную голову.

– Потому что отец Тихон от меня мокрого места не оставит, если я потеряю икону, которая ему досталась еще от его отца, а тому от деда, а тому... В общем, это их семейная реликвия, для отца Тихона необычайно ценная. Да и вообще ценная.

– Ну, так и держал бы ее при себе, если она такая ценная!

Но священник чуть ли не плакал.

– Ах, Алена Игоревна, как все плохо! У меня тут Катя – новая воспитательница из нашего детского садика, она вроде бы видела воровку, которая унесла икону.

– И кто воровка? Катерина ее узнала?

– В том-то и дело, что по описанию эта девушка не из местных. Мы уже побывали у матушки Анны, думали, вдруг это ее знакомая или вовсе родственница. У матушки Анны и впрямь сейчас живет молодая девушка Таня – ее племянница. Но Катя сказала, что это точно не она.

Алена не очень-то поняла ход мыслей священника, которые привели его в дом к своей ближайшей помощнице. Ведь если воровка – чужачка, то надо было бы поскорее ехать совсем не к матушке Анне, а в их пансионат или гостиницу, то есть в два места, где могли остановиться приезжие в Дубочки люди.

Гостиницу, которую пришлось построить год назад, так как наплыв деловых визитеров в Дубочки настолько возрос, что помещать деловых знакомых Василия Петровича в главной усадьбе стало несколько затруднительно, Алена оставила на потом. Там преимущественно селились люди деловые. А девушка, судя по рассказу отца Андрея, к таковым совсем не относилась. Вероятно, ее стоит поискать в пансионате.

– Отец Андрей, главное, вы не волнуйтесь. Все будет в порядке, я уверена.

– Я молюсь, Алена Игоревна, – раздался жалобный голос священника. – Взял у матушки Анны икону Божьей Матери Казанской и молюсь, чтобы вернула нам пропажу.

– Правильно, – одобрила его действия Алена. – Когда случается беда, каждый должен заниматься тем, что знает и умеет лучше всего.

Сама Алена уже для себя твердо решила, что молитва молитвой, а она лично возглавит поиски пропавшей иконы. И пока местная полиция раскачается, именно Алена предпримет неотложные меры к тому, чтобы задержать воровку. Но так как в глубине души Алена испытывала некоторую неуверенность – все-таки искать предстояло не хлебный каравай, а вещь большой исторической и художественной ценности, она обратилась за помощью к человеку, которому привыкла доверять во всех щекотливых, а порой даже и опасных ситуациях.

Алена позвонила их начальнику охраны – бравому отставному командиру роты спецназа, которого сама хозяйка Дубочков привыкла звать не иначе как Ваней. Этот человек долгое время служил телохранителем Василия Петровича, не раз и не два делом, а не словом доказывал свою верность, преданность и отвагу. И поэтому сейчас по справедливости занимал второй по значимости пост в Дубочках.

– Ваня, у нас ЧП!

– Что случилось?

– Из церкви пропала икона.

– Из нашей церкви?

По голосу Вани было слышно, как безмерно он удивлен. Алена его хорошо понимала. Она и сама была в шоке, когда священник позвонил ей со своей жалобой. Чтобы у них в Дубочках что-то пропало! Такого не случалось... почти никогда не случалось. Но тут же Алену неприятно царапнуло воспоминание об увеличившихся расходах всякой бытовой химии и тому подобного. Как знать, не одного ли это поля ягодки? И хотя на первый взгляд казалось, что одно к другому не имеет никакого отношения, Алена поостереглась пока что делать какие-либо выводы.

– Надо разобраться.

Встретившись с Ваней и обнаружив отца Андрея в доме у его пожилой помощницы, Алена первым делом предложила им всем заглянуть в пансионат.

– В пансионате чаще всего предпочитают останавливаться женщины с детьми. Но так как при пансионате имеется и грязелечебница, то у них частенько останавливаются весьма раскрепощенные дамы, любительницы свободной жизни. Лечат свое пошатнувшееся на свободе здоровье кумысом и грязевыми обертываниями.

– Эта была не дамой, а скорее девицей.

– Девыцы тоже останавливаются.

– И их пускают? Все-таки дети...

– Если они ведут себя прилично, почему бы и нет? Они такие же люди, имеют право на отдых.

Ваня уже распорядился, чтобы на ближайшей к Дубочкам железнодорожной станции внимательно наблюдали, не появится ли там подходящая под описание Кати девица. Также он послал своих ребят на автобусную остановку и по дорогам, выходящим из поселка. И теперь все с чистой совестью смогли начать облаву на воровку в самих Дубочках.

Ваня поехал в гостиницу, а Алена со священником и Катей – в пансионат.

Пансионат был личной гордостью Алены, которая его любовно взращивала и пестовала многие годы. Он располагался в живописном треугольнике, откуда в равной степени было близко как до конного завода с ипподромом, так и до лесного массива и молочной фермы, где располагался детский зоопарк, в котором приезжающие в Дубочки городские дети могли свободно играть с жеребятками, телятами, ягнятами, козлятами и поросятами. А также при желании (а оно у них неизменно возникало) могли повозиться с волчатами, лисятами, зайчатами и прочими лесными детенышами, которых притаскивали в Дубочки местные охотники и которые до поры своей зрелости вполне мирно уживались с щенятами, котятами и другими мелкими обитателями Дубочков, не только не делая попытки этих самых обитателей сожрать, но играя с ними весело и дружно.

Алена, сама не имеющая детей, очень хотела, чтобы приезжающим к ним в Дубочки больным детям, родители которых верили в чудеса иппотерапии, было хорошо у них. А так как Василий Петрович свято верил в целебную силу природы, то Алена постаралась устроить пансионат таким образом, чтобы эта природа была тут в максимальном доступе.

Прибыв в пансионат, они сразу же прошли к стойке.

– Алена Игоревна! – расплылась в улыбке Таня. – Какими судьбами к нам?

– Есть вопросы об одной вашей постоялице.

– Какой?

Алена взглянула на воспитательницу:

– Катя, опишите нам еще раз ее приметы, будьте добры.

Таня внимательно слушала, наморщив лоб.

– Знаете, а ведь была такая, – произнесла она.

– Была? То есть она уже уехала?

– Выписалась вчера в два часа дня.

Разочарование было велико. Вчера! Так давно!

– А почему именно в два часа дня? Ведь, если я не ошибаюсь, расчетный час у вас – полдень?

– Как всегда, Алена Игоревна, вы правы, – улыбнулась Таня. – Расчетный час и впрямь у нас в двенадцать. Но эту девушку мы сумели выковырять из ее номера лишь к двум часам. Да и то пришлось ей пригрозить, что возьмем с нее за следующие сутки. Только тогда она соизволила выползти из номера.

– А как ее имя?

– Извольте...

Таня заглянула в свои записи и уверенным голосом прочла:

– Ревнивцева Лидия Сергеевна.

– Напиши мне ее паспортные данные.

– Один момент.

Несмотря на успех в поисках, Алена все равно колебалась. Уверенности, что они говорят с Таней об одной и той же особе, у нее не было.

– А не имелось ли у той воровки каких-нибудь особых примет? – обратилась она к Кате. – Кроме вытравленных до белизны волос и короткой юбки?

Та подумала и сказала:

– Еще на сумке у нее были нашиты золотые перья или какие-то лоскуты, разумеется, золотые.

Алена взглянула на Таню.

– Честное слово, не заметила! – воскликнула та. – Так была рада, что удалось выпроводить гостью, что даже не посмотрела, что там у нее была за сумка. Чемодан у нее был, это точно. Может, и сумка была, не знаю.

Была призвана девушка Ася, которая занималась уборкой гостевых комнат. И вот она подтвердила, что сумка с нашитыми на ней золотыми висюльками у девушки из пятнадцатого номера точно была. Получалось, что постоялица пансионата и церковная воровка – это было одно и то же лицо.

– Но она выписалась от вас еще вчера днем, – с удивлением констатировала Алена. – Что же она делала потом еще почти сутки? Где ночевала? Ведь Катя встретила воровку лишь сегодня после полудня.

Ответ на этот вопрос принес Ваня. Он побывал в гостинице и сумел найти там след вызывающе одетой девушки-блондинки, на плече которой опять же красовалась золотистая сумка. Ваня был чрезвычайно горд собой, когда сообщил друзьям добытую информацию.

– Нашу воровку зовут Лидой!

– Ревнивцева Лидия Сергеевна, если быть точной.

– Вы уже знаете?

Ваня был разочарован.

– Мы выяснили имя этой девочки еще раньше твоего.

– Кстати, не такая уж она и девочка, ей двадцать один год.

– Откуда ты знаешь? При заселении в гостиницу личный возраст постояльцы не указывают.

– А Лида и не заселялась в гостиницу. Но зато она разоткровенничалась с барменом. По его словам, Лида засиделась в баре за полночь, жаловалась на свою личную жизнь. Как он понял, девушка поссорилась со своим любовником и сбежала от него сюда. Упомянула она и про свой возраст. Дескать, замуж пора, а не зовут. Она надеялась, что ей удастся склеить какого-нибудь мужчину, чтобы тот пригласил ее к себе в номер.

– Даже так?

– И получилось это у нее далеко не сразу. Вы же знаете, в нашей гостинице проституток не бывает. И хотя Лида выглядела именно так, но мужчины к ней не подходили, полагали, что она одна из деловых знакомых Василия Петровича, пусть и странно одетая, но знакомая, а вовсе не какая-то там девочка на час.

Поняв, что кроме имени воровки Ване удалось раздобыть и еще кое-что, все теперь уставились на него и внимательно слушали.

– Лида провела в баре несколько часов в ожидании подходящего знакомства, а потом ей наконец повезло. К ней подсел невысокий темноволосый мужчина, по виду араб или житель Кавказа, и завел беседу с девушкой. Видимо, ему понравился цвет ее волос, потому что бармен видел, как во время разговора мужчина несколько раз брал в руку прядку волос девушки и что-то ей при этом одобрительно говорил. Так они просидели около полчаса, а затем ушли.

– Вместе?

– Да.

– Бармен не знает, что это был за мужчина?

– Он лишь сказал, что мужчина – один из их постояльцев. Он его уже видел в гостинице накануне. Кстати, интересный факт: этот мужчина, по виду последователь ислама, выпил два джина с тоником.

– Но мусульмане не употребляют алкоголь.

– А этот пил.

Но Алена возразила:

– Не вижу в этом ничего особенного. Во-первых, не все арабы – мусульмане, среди них встречаются и христиане. А во-вторых, далеко не все приверженцы исламской религии так уж строго придерживаются законов шариата. Очень многие любят выпить, особенно это касается наших кавказских ребят.

– Я просто счел необходимым упомянуть об этой детали. Вдруг это окажется важно?

– Ты, Ваня, молодец. А что было с Лидой и ее знакомым дальше?

– Подозреваю, что они провели ночь в номере этого мужчины.

– Но ты выяснил имя этого человека?

– К сожалению, когда я попросил портье найти для меня подходящего постояльца, он назвал двоих. Я провел опознание с помощью бармена, увы, ни тот ни другой не подошли. Я обратился к портье за разъяснениями, и он сказал, что сегодня утром выехал еще один, подходящий под описание.

– Ну? И как его зовут?

– Омар Рустамов.

– Наш?

– Вполне. Уроженец Дербента. Последние двадцать лет постоянно проживает в Брянской области. Сюда приехал с деловой командировкой с целью личного знакомства. У него аналогичное хозяйство, только несколько меньших размеров. И упор у них сделан на овцеводство. Он привез Василию Петровичу в качестве подарка несколько своих племенных баранов. Интересовался новой породой лошадей. И уехал с одной из наших кобыл.

Алена кивнула. С некоторых пор количество производимых на заводе лошадей стало превосходить потребление. Забивать лошадей на мясо у Василия Петровича рука не поднималась, поэтому всех тех лошадей, которые по той или иной причине не совсем его устраивали, он благополучно раздаривал своим гостям, друзьям и просто знакомым. Причем обычно он умудрялся дарить либо уже покрытую кобылу, либо жеребца и кобылу. Так что в скором времени он обычно получал весточку о прибавлении в лошадином семействе.

Василий Петрович посмеивался и утверждал, что если так дело пойдет, то в скором времени любительское коневодство в России вновь возродится. Если не на прежнем, дореволюционном уровне, то на вполне приемлемом для современного мира, где лошадь – это уже больше не двигатель в хозяйстве, а просто одно из удовольствий для жизни.

Но сейчас Алену волновало другое:

– А можно как-нибудь связаться с этим Рустамовым?

– Я раздобыл для вас его номер телефона. Он оставлял его Василию Петровичу.

– И что? Позвоним ему?

– А у нас есть выбор? Но сразу же предупреждаю, Рустамов уехал от нас сегодня еще в десять утра. И был настолько озабочен транспортировкой своего крупногабаритного подарка, что ни о каких девушках и думать не мог.

– И все же позвоним ему! Возможно, у него есть какая-нибудь информация о девушке, с которой он, по всей видимости, провел прошлую ночь.

Ваня пробормотал что-то в том духе, что совместно проведенная ночь нынче для многих еще не повод знакомиться, но отец Андрей так скорбно взглянул на него, что Ваня быстро заткнулся. Вообще, новый священник умудрялся, никого не укоряя словом, так иной раз посмотреть, что даже самому завязтому цинику от его взгляда делалось неловко. И Алена

уже не раз замечала, что люди по мере сил стараются в присутствии деликатного, но в то же время явно искренне верующего отца Андрея выглядеть как-то лучше. А ведь он никого не обвинял, не проклинал, он безмолвно страдал, и всем делалось как-то стыдно из-за видимых мучений священника.

– Звони! – велела Алена.

Рустамов трубку взял. Он еще был в пути и очень удивился, когда услышал, по какому поводу его тревожат.

– Да, Лиду я помню, но вы ошибаетесь, если думаете, что девушка провела ночь в моем номере. Я люблю свою жену, и к тому же Лида так навязчиво себя предлагала, что у меня весь интерес к ней пропал.

– Но бармен видел, как вы вместе ушли из бара.

– Верно. Но дальше наши пути-дорожки разошлись. Я отправился к себе в номер, а Лида стала звонить какому-то своему знакомому, хотя и не без досады на меня.

– Почему?

– По ее отрывочным высказываниям я понял, что этот человек ее тоже чем-то обидел. И что звонить ему ей не очень-то хотелось, но выхода другого не было. Денег, чтобы заплатить за номер, у нее не имелось. А больше никого в этих местах она не знала. Но разговаривала она с ним бесцеремонно. Позвонила и с места в карьер заявила: «Я сейчас к тебе приду!» Тот, видимо, пытался возражать, потому что она еще добавила: «Мне плевать, что это невозможно. Сказала: приду – и приду. Попробуй меня остановить!»

Алена ущипнула Ваню за руку.

– Вещи! – прошептала она. – Спроси у него про вещи! У девицы должен был быть при себе чемодан!

– А чемодан у нее был? – послушно спросил Ваня.

Рустамов подтвердил, что какой-то чемодан на колесиках у девушки имелся. Сначала он стоял в баре в углу. Но когда они вышли, девушка взяла его с собой.

– Все! Больше я ничего не знаю. Простите, мне надо следить за дорогой. А девушку эту больше никогда не видел.

Ваня поблагодарил Рустамова и, убрав трубку в карман, взглянул на остальных. Первоначальные итоги расследования были довольно внушительны. Им удалось выяснить имя и фамилию воровки. А также тот факт, что у нее в Дубочках был кто-то ей знакомый. Пусть этот человек и не был рад принимать у себя Лиду, но она имела на него какое-то влияние, которое и позволяло ей поступать с этим человеком по собственному усмотрению.

Итак, ночь Лида скорее всего провела у этого своего знакомого, к которому направилась из бара. На тот момент чемодан у нее был при себе. Однако когда на следующий день Катя встретила воровку, то у той, кроме дамской сумки, при себе никаких вещей больше не было. Вероятно, чемодан Лида оставила там, где ей довелось переночевать. И как знать, вполне возможно, что она до сих пор находится в этом месте. Вместе с украденной иконой. И если это так, то у сыщиков имелся неплохой шанс вернуть пропажу назад быстро, элегантно и без лишнего шума.

Глава 4

Оповещать полицию и приглашать их в поместье Ваня считал преждевременным. На станцию он уже послал несколько своих человек, которым велел в оба глаза смотреть за теми женщинами, которые ждут подходящих пригородных поездов, а также поездов дальнего следования.

– Хватайте всех незнакомых смазливых блондинок хоть с чемоданами, хоть без. Если окажутся без документов, тащите в отделение. Причину придумайте любую. Хотя бы даже угроза террористической деятельности. Сейчас время такое, что за проявленную бдительность вас только похвалят.

Теперь отступление с помощью железнодорожного транспорта для воровки оказывалось недоступным. Самолеты в Дубочки пока что не летали. Шансов на бегство с помощью простого автомобиля не было никаких. Едва узнав о случившемся ЧП, Ваня первым делом распорядился немедленно перекрыть все выезды из Дубочков, тормозить и досматривать все проезжающие машины и тележки на предмет обнаружения в них смазливой блондинки с приметной сумкой на плече.

– Если девица еще не успела покинуть поместье, она тут и останется. Проскользнуть мимо выставленных караулов она не сможет.

Ваня мог гордиться своими ребятами. Они были обучены им самим. И если получали приказ досматривать все проезжающие транспортные средства, значит, будут заглядывать и в багажник, и под дно машины, и весь груз не поленятся переверорщить, лишь бы убедиться, что ничего запрещенного он в себе не содержит.

– Ну а теперь нам придется обойти все дома в Дубочках.

– Все-все? – ужаснулась Алена.

– Ничего не напишешь. Надо – значит, надо.

– Ой, позор-то какой! – покраснел отец Андрей. – Это же все узнают о краже!

– Мы ищем всего лишь блондинку. Про совершенную сегодня кражу сообщать всем подряд пока что совсем не обязательно.

Отец Андрей приободрился и выразил желание лично отправиться вместе с ребятами Вани и с ним самим по домам.

– А мне тоже надо с вами идти? – робко поинтересовалась Катя. – Я ведь вроде как свидетельница? Единственная, кто видел воровку.

– Ты можешь идти домой, – разрешил ей Ваня. – Когда найдем блондинку, пришлю за тобой машину, чтобы ты могла ее опознать. А пока тебе совсем незачем таскаться с нами. Это может занять не один час.

Катя с огромным облегчением выслушала позволение вернуться домой. Она уже очень сильно задержалась со всей этой историей. И муж несколько раз звонил, интересовался, что случилось и почему она опаздывает домой, хотя обещала быть к обеду.

– Я голодный сижу, тебя жду, – взывал он к совести своей жены. – Где ты, птенчик?

Катя отговаривалась то так, то эдак. То сменщица задержалась, то к Новому году срочно надо обсудить с музыкальным работником сценарий праздничного детского выступления. Врать было стыдно, но сказать правду Катя не могла. Отец Андрей умолял ее этого не делать, он страшно боялся, что информация о краже из церкви станет всем известной.

– А это удар по репутации и моей, и церкви. Люди станут думать, что можно вот так запросто войти в храм Божий и взять там любую приглянувшуюся вещь.

Из симпатии к священнику Катя согласилась солгать. Но она чувствовала, что муж ей не поверил, и поэтому очень хотела вернуться домой побыстрее.

– Я вас подвезу, – предложил ей Ваня. – Что вам пешком бегать?

Катя обрадовалась, что ей удастся сократить для Гаврилы время ожидания, но получилось только хуже. Пока они ехали до дома, Ваня подкрутил что-то на панели управления, и Кате внезапно стало жарко. Причем она какое-то время не могла понять, что с ней такое происходит, просто чувствовала, как температура ее тела неуклонно поднимается вверх, и не понимала, почему это происходит.

– Что-то мне нехорошо, – призналась она. – В жар бросило. Может, я заболела?

Ваня покосился на нее с какой-то веселой искрой в глазах, но заявил, что в машине есть климат-контроль, который поддерживает стандартный двадцать один градус хоть в зимнюю стужу, хоть в летнюю жару, хоть, как сейчас, в осеннюю распутицу, которой уже давно бы пора сваливать и уступить место зиме.

Но Катя чувствовала, что ей становится все жарче. Пришлось расстегнуть верхнюю одежду, потом – пуговицы на кофте, но эти меры ничуть не помогли. Ей буквально не хватало воздуха. В зеркало Катя видела, что и лицо у нее покраснело. Может, она подхватила какой-нибудь вирус и у нее поднялась температура? Но во всем остальном, если не считать жара, Катя чувствовала себя нормально.

Муж стоял у забора и смотрел в сторону Дубочков в ожидании Кати. И когда рядом с ним затормозил личный джип начальника охраны поместья, машину которого Гаврила просто не мог не узнать, а из нее вылезла его любезная женушка, явившаяся почти с четырехчасовым опозданием, да еще в компании с самим начальником охраны, красная, распаренная и покрытая потом, плюс в расстегнутой одежде, лицо Гаврилы, и без того нерадостное, исказилось и вовсе.

Катя поняла свою ошибку слишком поздно. Ей надо было попросить Ваню высадить ее за поворотом, чтобы муж не мог увидеть, что ее подвез начальник охраны, про амурные похождения которого по Дубочкам и так ходило немало всяческих слухов. Но теперь было уже ничего не исправить. Гаврила молча кивнул жене, а на Ваню даже не посмотрел. Просто повернулся и пошел в дом. Катя семенила за ним следом и переживала. Лучше бы она пришла вовсе пешком!

Удивительным образом жар у нее совершенно прошел. Катя даже начала промерзать и вновь застегнулась на все пуговицы. Что такое с ней было? Она готова была поклясться, что Ваня специально поджаривал ее в своей машине. Но зачем ему это понадобилось? Если это была шутка, то весьма сомнительная.

Когда они с мужем оказались дома, Катя прошла на кухню. Гаврила пришел туда же. Какое-то время он молчал, он просто стоял позади своей жены и сверлил ее таким пронзительным взглядом, что у Кати даже затылок разболелся.

А потом муж внезапно произнес:

– Ну, теперь мне все понятно!

Катя, которая занималась тем, что разогревала обед, от голоса мужа даже вздрогнула и выронила из рук поварешку. Это еще больше убедило мужа в виновности жены, потому что голос у него сделался еще более страдающим.

– Вот, значит, как ты проводишь свое время!

– Да я никак его не провожу.

– Не лги мне! Я своими глазами видел, как этот тип тебя трогал!

– Он пожал мне руку.

– Представляю, что вы с ним вытворяли наедине в его машине!

– Гаврила, что ты такое говоришь? Клянусь тебе, я не давала тебе ни малейшего повода для ревности.

– Как же! Рассказывай! Ты была красная, словно вареный рак!

– Мне было жарко.

– Жарко ей было! Еще бы! Да всем на сто километров вокруг известно, как этот донжуан местного разлива отжаривает всех местных телочек!

– Каких телочек? Опомнись!

– Нет, это ты опомнись!

– Послушай...

– Нет, это ты послушай!

Гаврила схватил Катю за руку и притянул жену к себе.

– Мне все ясно, – произнес он каким-то свистящим от ненависти и страдания голосом. – Вот, значит, как ты меня любишь! Встречаешься в свободное время с другими мужчинами! Разговариваешь с ними! Былое вспоминаешь!

– Гаврила, какое былое? Ты что? Я Ваню сегодня первый раз вблизи увидела.

– Ах, он для тебя уже просто Ваня? Быстро это у вас с ним произошло! Говори, он к тебе приставал? Приставал, да?

– Нет!

– А почему одежда на тебе была расстегнута? А почему ты так задержалась? Где ты была? С ним? Отвечай мне!

– Милый, – чуть не заплакала Катя. – Я не могу тебе всего рассказать, но честное слово, я ни в чем перед тобой не виновата.

– Небось совместное будущее предлагал? – все больше сатанел муж. – Раздевался перед тобой? В постель звал?

– Что ты говоришь? Ты безумен!

– Нет, я-то нормален, это ты... ты меня горько разочаровала!

И с этими словами несчастный и страдающий муж отпустил Катю и удалился из кухни.

– А обед? – крикнула ему вслед Катя, уже понимая, что никакого совместного обеда у них не будет.

– Ешь сама!

До самого позднего вечера супруги не разговаривали. До самого позднего вечера они оба молча страдали. Катя не находила себе места, а что чувствовал Гаврила, сказать было невозможно, так как он заперся в сарае во дворе и никуда оттуда не выходил.

Катя же буквально изнывала. Это была их первая крупная ссора с мужем. И на ее фоне вчерашняя размолвка по поводу шиншилл казалась просто жалким пустяком.

– Вот тебе и сходила за советом к батюшке, – шептала самой себе Катя. – Еще хуже вышло! Не надо было и соваться! Сами бы во всем разобрались.

Так они и страдали. Катя на кухне, муж в сарае. Потом они переместились. Катя в гостиную, поближе к телевизору, а муж пошел прогуляться. Просто пришел и известил Катю:

– Я уйду. Когда вернусь, не знаю.

Сказал, ушел и пропал. Катя посмотрела «Вести», потом еще одну программу новостей, потом еще. События в мире не радовали, они нарастали, словно снежный ком, мчащийся с горы в долину, набирающий размеры и угрожающий все снести на своем пути. То Турция, то Сирия, то Украина. Непокойно было нынче в мире, что и говорить. Кате даже казалось, что каждый следующий выпуск новостей был еще хуже и страшнее предыдущего. И в конце концов Катя выключила телевизор, чтобы отгородиться от этого ужаса.

Но лучше отчего-то не стало. Даже хуже стало. Пока Катя следила за переживаниями людей, которым по определению было хуже, чем ей (она-то не брела по скользкой грязи, не зная, где удастся в следующий раз поспать и поесть горячей еды, у нее над головой не взрывались снаряды, и она не плакала над своими убитыми родными), она как-то умудрялась абстрагироваться от собственных переживаний. На фоне страданий тех людей ее собственные горести были несерьезными и даже какими-то жалкими. Но стоило Кате остаться с

ними наедине, как внутри у нее снова стал ворочаться тугой холодный штопор, образовывая в животе из ее собственных кишок противный ледяной комок.

– Где же Гаврюшка?

Катя подошла к окну и вгляделась в темноту за окном. Вокруг было поле, деревья, чуть дальше – настоящий лес, не видно было ни огонька. Мужа видно тоже не было ни поодаль, ни вблизи. Куда он мог податься, Катя не имела ни малейшего представления. Да это ее не особо и волновало. Главное, чтобы вернулся.

– Чем бы заняться?

По опыту Катя знала, что нет лучшего спасения от дурных мыслей, чем физический труд. Можно, конечно, и на тренажере позаниматься, но от мытья полов физическая нагрузка примерно такая же, а пользы для хозяйства куда большая. И Катя схватила за швабру. Мыть пол – это была ее любимая домашняя работа. Когда под влажной шваброй проступали чистые половицы, на душе у Кати становилось даже как-то радостно. Вот она смывает всю грязь, все плохое, злое, что накопилось в ее жизни, после уборки остается лишь чистое, хорошее, светлое.

Это была ее привычная медитация во время работы, Катя помахивала шваброй туда-сюда, и настроение у нее понемножку улучшалось. Но вдруг она замерла. Необычная вещь привлекла к себе внимание девушки: на коврик возле входной двери стояли мужские ботинки, но это были ботинки совсем не ее Гаврилы!

Катя поморгала глазами, пытаясь понять, что это за обувь. Может, Гаврила купил себе обновку, а ей и не сказал? Забыл или времени не нашлось. Они ведь и вчера толком не разговаривали, и сегодня у них общения тем более не получилось. Так, может, и купил себе новые ботинки. Тем более что Гаврила говорил, что ему надо приобрести что-то практичное, в чем можно было бы общаться с природой.

Но, наклонившись, Катя отмела эту мысль. Ботинки были на добрых два размера меньше, чем у ее мужа. Да и не выглядели они новыми. Задники были помяты, кожа поцарапана. И потом, если бы это была обувь Гаврилы, то не исчезла бы его пара осенних кроссовок! А их не было. Значит, Гаврила ушел в них. И получается, что в доме находится какой-то чужак! Вор или грабитель!

– Наглый какой, – пробормотала Катя. – Еще и разулся.

Но тут же она устыдилась своих мыслей. Наоборот, молодец чужак! Вошел, аккуратно так разулся и прошел в дом. Может, еще и тапочки надел? Катя взглянула, но запасная пара тапочек Гаврилы была на месте.

– Выходит, в носках пошлепал.

Сначала Катя решила, что сможет выследить чужака по следам. И, вооружившись шваброй, словно копьем, она двинулась по следам. Но вскоре гладкий ламинат закончился, начался ковролин. А на его поверхности было невозможно разглядеть следы. Из гостиной же, в которой сейчас стояла Катя, двери вели сразу в пяти направлениях: в туалетную комнату, в котельную, в прихожую, на кухню и в спальню с примыкающей к ней кладовкой.

Конечно, Катя бы проверила все эти помещения, если бы ей не пришла в голову незапная мысль о том, что делать это не так уж безопасно. Да, пускай до сих пор неизвестный чужак и не проявлял к ней агрессии, но где гарантия, что этого не произойдет, когда Катя займется его активными поисками?

– Оставь это дело до Гаврилы, – посоветовала Катя самой себе.

Обувь чужака стояла в прихожей уже давно, грязь на ней давно успела обсохнуть и даже местами отвалиться. Значит, ботинки стояли в теплом месте уже несколько часов, не меньше. Все это время Катя и чужак были в доме один на один, но он не предпринял никаких враждебных шагов в отношении ее. Может, все оставить так и дальше? Пожалуй, это будет самое мудрое решение в данном случае.

Катя помчалась к себе в спальню, закрылась изнутри и прислушалась. В доме было тихо. Очень, очень тихо. И тут Кате по-настоящему стало не по себе. Она остро осознала свое одиночество в этом слишком большом даже для них двоих доме. И зачем Гаврила купил такую махину! В ней одних кладовок шесть штук. Зачем они им все? Гаврила говорил, что выбирал дом с прицелом на большую семью, которая у них когда-нибудь будет. Но пока что в доме гуляли они двое да эхо. И вот еще этот третий какой-то, чьи грязные ботинки сохнут у них в прихожей. И кто он такой? И почему он тут?

И впервые за время своего замужества Катя подумала, что муж даже не счел нужным спросить ее мнения насчет того, где, в каком доме они будут жить. Он все выбрал и решил сам. Но и она тоже хороша. Зачем она ему это позволила? Деньги-то были ее. Значит, и она имела право сказать свое мнение о выборе места, где им предстояло жить.

Катя открыла окно и высунула голову на улицу. Может быть, муж все же бродит где-нибудь неподалеку? Может быть, ей удастся услышать его шаги? Но никаких шагов не было слышно. Зато где-то вдали, Кате показалось, раздался чей-то крик.

– Б-р-р...

И передернув плечами, Катя спряталась назад в теплый дом.

– Пойду приму ванну.

У них при спальне была ванная комната, а в ней – горячая вода и теплый городской санузел. Отличные удобства, а в ванную ведет крепкая и прочная дверь, которая к тому же закрывается на задвижку. Итак, ее отделяют от чужака сразу две двери. Отличная надежная защита. И вообще, почему она решила, что чужак все еще в доме? Может, кто-то принес свою обувь, оставил, а потом надел сменную и ушел. Муж говорил, что собирается нанять человека для ухода за шиншиллами. Наверное, это его рабочие ботинки стоят сейчас в прихожей.

Уже забираясь в ванну, Катя недоумевала: чего это она так взъелась на своего мужа?

Теплая вода всегда действовала на Катю умиротворяюще и успокаивающе. Она сидела в ванне и чувствовала, как противный липкий холод отпускает ее. Мысли у Кати в голове потекли позитивные и миролюбивые.

У нее прекрасный муж. Он выбрал для них отличный дом. Красивый дом с новым ремонтом. Те люди, которые жили тут, производили впечатление всем довольных и счастливых. Впрочем, возможно, счастливы они были как раз от того, что продавали этот дом? Тогда Катя об этом как-то не задумалась. Ей было достаточно, что хозяева сказали, что строили дом для себя, но обстоятельства их жизни изменились, и им приходится уехать, поэтому дом они продают срочно и дешево. Глупо было упускать подобную возможность, сказал тогда Гаврюша. И впрямь глупо.

Да, у нее превосходный муж.

Но, черт его дери, где же его все-таки носит?

В тот вечер Катя так и не дождалась возвращения супруга. Полежав в ванне, она так расслабилась, что почувствовала, как засыпает. Наспех вытершись огромным махровым полотенцем – подарком подруг на свадьбу, Катя добрела до кровати, где и уснула крепким сном. Утром она обнаружила, что ночью Гаврюша вернулся домой. Но к ней он не пришел, остался ночевать в гостиной. Хотя как бы он вернулся, ведь она заперла дверь их спальни изнутри?! Она-то это сделала из страха перед чужаком, присутствие которого заподозрила в доме. Но Гаврила мог подумать, что Катя отгородилась из-за их ссоры.

Судя по следам в прихожей и грязной одежде, которую Катя обнаружила в стиралке, муж ночью умудрился свалиться в грязь. Он основательно извозился и, наверное, здорово замерз, потому что ночью он тоже пользовался горячей водой, либо принимал ванну, либо душ, но делал это на первом этаже. Катя хотела спросить у мужа, что случилось с ним ночью, но не решилась. Она приготовила завтрак, но муж к нему не прикоснулся. Он по-прежнему

не разговаривал с Катей, хотя она и делала несколько попыток, чтобы заговорить с ним. Например, пожелала ему доброго утра, но муж скривился так, словно принял ее слова за издевку. Потом Катя предложила ему позавтракать, но и тогда муж лишь мотнул отрицательно головой и произнес два слова:

– Не хочу!

Вроде бы и не грубо ей ответил, но надо было слышать его тон – холодный, отстраненный, даже враждебный. Жуть!

Сегодня Кате было на работу во вторую смену. Так что из дома она вышла часов в десять, когда на улице было уже совсем светло. Могла бы и позднее пойти, но находиться под одной крышей с неразговаривающим, мрачным и страдающим мужем было невыносимо. И Катя решила, что пойдет в Дубочки пораньше, а по дороге на работу заглянет к отцу Андрею, чтобы узнать, есть ли успехи в поисках украденной иконы.

Почему-то Катю тревожила личность воровки. А вернее, тревожил ее взгляд. Сначала, когда девица выскочила из церкви, она посмотрела на Катю вроде бы рассеянно, как на всякую другую встречную-поперечную. Но затем ее взгляд изменился. Девица ее вроде бы узнала, и ее взгляд стал злым. Да, да, злым. Кате даже показалось, что эта девица – ее враг. Что она Катю сознательно и уже давным-давно ненавидит. Хотя это была, конечно, полная чушь. Катя никогда не встречалась прежде с этой девушкой. Во всяком случае, Кате это было совершенно ясно: пообщаться с той достаточно плотно, чтобы девица успела Катю возненавидеть, у них возможности точно не было. В этом Катя была на сто процентов уверена.

Подойдя к храму, Катя не стала стучать. Отец Андрей приглашал заходить ее в любое время и без всяких церемоний. Так что Катя просто приоткрыла дверь и вошла. Но войдя, тут же замерла на месте, потому что услышала незнакомый женский голос, который произнес:

– Теперь-то вы небось пожалеете, что отказались от меня?

– Не понимаю, как одно может быть связано с другим.

– Вам объяснить?

– Сделайте такую милость.

Второй голос принадлежал отцу Андрею. А вот первый... кому принадлежал первый? Кто была собеседница отца Андрея? Кате не были видны говорившие, они скрылись в ризнице. Но голос собеседницы был молодой, это никак не могла быть матушка Анна. Кто же тут ошивается у священника?

И если Катя вначале намеревалась сразу же дать знать о своем присутствии в храме, то теперь она изменила свой план. Она даже сделала шаг назад и в сторону, насколько это было возможным, укрывшись за конторкой, чтобы ее не заметили ни отец Андрей, ни его собеседница, вздумай они случайно выглянуть в основное помещение храма.

– После кражи архимандрит лишит вас места, – продолжила говорить девушка.

– Вовсе не обязательно, – возразил ей отец Андрей.

– Но уж неприятностей вам точно не миновать. Считайте, что вы попали в опалу. А от опалы и до ссылки вовсе недолго ждать. Отец Тихон человек памятный, так что он не забудет того, что вы проворонили вещь, которая ему досталась еще от прадеда и которую вы у него буквально выпросили.

– Он сам мне ее дал. Сказал, что икона обладает чудотворными качествами и он просит меня ее взять на время для укрепления молитвенного рвения прихожан и моего собственного.

– Не знаю, – с сомнением протянул женский голос. – Но проблем вам точно не миновать.

– Допустим, это так. И что вам-то с того?

– А то!.. То, что мы могли бы преодолеть их вместе. Вы же знаете, мой отец уже стар, он давно уже подыскивает себе преемника. И приход у него не чета вашим Дубочкам, отец служит в городском храме.

– Очень за вас с вашим папенькой рад.

Голос отца Андрея звучал язвительно.

Но его собеседница не смутилась, она сказала:

– И вы могли бы служить в городе.

– Это каким же образом? Не понимаю.

– Ах, да не притворяйтесь вы! Все вы понимаете! Отец давно подыскивает человека, которому бы мог уступить свое место. Конечно, постороннему папа такое отличное место не оставит. Но вот своему зятю...

Девушка сделала выразительную паузу в разговоре, а потом продолжила:

– Зятю бы папа все оставил!

– И при чем тут я? – не без некоторого раздражения спросил отец Андрей. – К чему вы клоните?

– Женитесь на мне!

Катя прямо ахнула. Ну, дает поповская дочка! Мало того что на шею мужику вешается, так еще и без зазрения совести отцовским приходом распоряжается. Интересно, а ее уважаемый батюшка в курсе, как доченька за него всю его дальнейшую жизнь распланировала и уже на пенсию папочку отправила?

Внезапно раздался смех. Это смеялся отец Андрей.

– Таня, голубушка, – произнес он ласково. – Что вы такое говорите? Мне? Жениться на вас? Но я же вас совсем не люблю.

– Ну и что?! – пылко воскликнула девушка. – Зато я вас люблю! Давно люблю! С самой первой минуты, как увидела вас!

– Это недели две? Недолго.

– Моей любви хватит на нас обоих. И вообще, отец всегда говорил, что любовь в браке – это не главное.

– А что же главное?

– Главное, чтобы муж и жена уважали друг друга. Уважали и ценили.

Андрей помолчал, а потом спросил с нажимом:

– Думаете, я буду способен уважать девушку, которая торгует собой?

– Кто? – возмутилась собеседница. – Кто торгует собой? Я?

– Конечно. Ваше предложение – что это, как не попытка продать себя?

– Да вы... Вы!..

– Таня, – опять же ласково перебил ее отец Андрей. – Вся ваша беда в том, что вы слишком низко себя цените. Поверьте, такая замечательная девушка способна выйти замуж и получить любовь мужа без всяких там батюшкиных приходов. Просто верьте в это, и все.

Но его слова не возымели на девушку никакого действия. Смысл сказанного Андреем просто не доходил до ее ума. Она лишь сознавала, что получила сейчас отказ. Отказ и сам по себе оскорбителен, а в той форме, в какой она его услышала от отца Андрея, он был оскорбителен вдвойне.

– Да я вас!.. Я вас просто ненавижу! И не смейте попадаться мне на глаза после такого!

Послышался звук пощечины, а затем из ризницы выскочила девушка, которую Катя видела мельком в доме матушки Анны. Ее племянница! Так вот кто так настойчиво добивался любви отца Андрея. Ничего себе!

Но Катя не успела толком ничего обдумать, потому что девушка пронеслась мимо нее. Она рыдала и вообще была в таком состоянии, что, кажется, даже не заметила Катю, которая присела за стенкой конторки, где обычно сидела матушка Анна. Места там было маловато,

целиком Катя там не поместилась, наружу торчала ее макушка. Но Таня не остановилась, не окликнула. Грохнула входная дверь, снаружи потянуло холодом. И Катя поняла, что девушка убежала, можно выбираться наружу.

Она поднялась на ноги и буквально нос к носу столкнулась с отцом Андреем, который спешил к выходу. Увидев Катю, он остолбенел.

– Вы... тут? Что вы тут делаете?

– Да так... Зашла вот.

Катя хотела сказать, что зашла пожаловаться на мужа, ссора с которым перешла в следующую стадию, но решила, что у отца Андрея и без того проблем хватает, и промолчала. Судя по выражению лица священника, он пытался сообразить, давно ли Катя прячется в храме. И так как Катя была человеком добрым, терпеть не могла изводить своих близких неизвестностью, поэтому она тут же и призналась:

– Я все слышала.

– Слышали? Что же... тем лучше.

– Почему лучше?

Но отец Андрей не ответил. Катя подождала ответа на свой вопрос, поняла, что не получит, и решила не настаивать.

– Я вот что думаю... – сосредоточенно произнесла она вместо этого. – Эта Таня, похоже, уже не первый раз подъезжает к вам со своими нежностями, так?

– Я не хочу это обсуждать. Тем более с вами.

– Почему?

– Это просто непорядочно. Пусть Таня мне и не нравится, но обсуждать ее чувства с другими я тоже не стану.

– Да я не про ее чувства! – махнула рукой Катя. – Но я всю ночь думала... Как эта Лида, если она чужая у нас в Дубочках, догадалась, что именно в храме ее может поджидать богатая добыча? Девушка явно нуждалась в деньгах, у нее даже на ночлег денег не хватало. Она явно украла икону, намереваясь ее продать.

– Икона стоит дорого, – согласился отец Андрей. – Кошунственно даже помыслить о том, что икону можно продать, но, увы, у антиквара за нее дадут очень неплохую цену.

– Видите! Так откуда Лида, которая чужая у нас в Дубочках, могла знать о том, что именно в храме ее ждет пожива?

– К чему это вы клоните?

– Мы еще вчера подумали, что странно: воровка заглянула в храм именно в тот день, когда вы там были один без своей помощницы.

– И решили, что это всего лишь случайность.

– А что, если это не случайность? Что, если это было запланировано?

– Кем?

– Этой вашей Таней!

– Ну, вы даете! С чего вы подумали на бедняжку?

– Она ведь родственница матушки Анны, живет у нее в доме, правильно я понимаю?

– Да.

– Значит, Таня могла знать и о том, что у вас в храме находится ценная вещь, и о том, что храм вчера оставался на вас одним, а значит, уследить за всем вам бы просто физически было невозможно.

– Чтобы Таня сговорилась с такой, как эта Лида?

– Ну да. Может, они вообще подруги?! Или все гораздо проще, и Таня заплатила воровке.

– Но зачем? Зачем Тане-то нужна эта кража?

– Разве она не ясно сегодня вам высказалась? Чтобы у вас были крупные неприятности! Чтобы вас выгнали из этого прихода! Чтобы у вас просто не оставалось другого выбора, кроме как жениться на ней и принять за ее отцом место приходского священника в городе!

Отец Андрей смотрел на Катю вроде как даже и со страхом.

– Боже мой! Какие чудовищные мысли крутятся у вас в голове.

– А вы со мной не согласны?

– Нет, нет! Я хорошо знаю Таню, может быть, она чересчур импульсивна, но человек она хороший.

– Но Таня влюблена в вас! А влюбленный человек способен на невероятные глупости. Уж я-то по себе это знаю.

И Катя печально вздохнула. После сегодняшней ночи, когда муж болтался невесть где и вернулся домой лишь под утро, переезд в Дубочки, где у нее не было ни единой родной души, казался Кате самой большой глупостью, когда-либо сделанной ею в жизни. И хуже всего было то, что вчера Гаврила проявил себя с такой пугающей Катю стороны, что она не знала, что ей и подумать. С чего вдруг в нем разыгралась такая дикая ревность? Она ничем не дала ему повода. То, что ее до дома на своей машине подвез Ваня, у которого в Дубочках слава изрядного ловеласа, – так она об этом даже и не знала!

Но если Катя надеялась получить от священника утешение в своих семейных проблемах, то она ошиблась. Утешать пришлось ей самой. Отвергнув предложение Тани сперва столь решительно и категорично, теперь отец Андрей явно пожалел о том, что погорячился. Ему вновь стало страшно. И рассказывая Кате о том, как продвинулось расследование дела об украденной иконе, он то и дело перемежал свое повествование возгласами:

– А что, если ее не найдут? Я пропал! Пропал совсем!

И снова Кате приходилось его утешать. Она даже начала опасаться, не опоздает ли из-за этого на работу. Но потихоньку рассказ все же сдвинулся с мертвой точки и плавно потек вперед.

Из слов отца Андрея стало ясно, что вчерашний рейд по Дубочкам в поисках знакомых Лиды Ревнивцевой ничего не дал.

– Мы обошли все дома в поселке, сотрудники охраны отчитались, что опросили всех, кто проживает или находился в Дубочках, но никто не признался в том, что знает такую девушку.

– Ну, еще бы! – фыркнула Катя. – Наверное, вы начинали с того, что ищите воровку, стянувшую икону из храма. Кто же признается в таком знакомстве?!

Но отец Андрей ее заверил, что дознание проводилось по всем правилам, никто из опрашиваемых и не заподозрил, что девушка, которую ищет охрана поселка, хоть в чем-то провинилась.

– Все равно подозрительно, когда ее охрана ищет, – стояла на своем Катя. – Ко мне бы пришли, про мою подругу бы стали спрашивать, я бы тоже ее не выдала. Ну, по крайней мере, до тех пор, пока сама с ней бы не переговорила.

И, видя огорченное лицо священника, поспешила добавить:

– Может, еще и придут люди. Одумаются и придут. Сообщат, где прячется эта Лида.

Утешение не особенно сработало. И Катя добавила, чтобы отвлечь Андрея от грустных мыслей:

– Кстати, а к нам с мужем вчера никто не приходил! Почему?

Отец Андрей объяснил, что опрашивали только жителей самих Дубочков. А дом Кати и ее мужа хоть и находится неподалеку, но к Дубочкам отношения не имеет.

– Но если бы у вас дома находилась эта девушка, вы бы ведь об этом рано или поздно сообщили, правда?

Катя кивнула головой. И, чувствуя, что разговор со священником не клеится – он был слишком удручен всем свалившимся на него, Катя пошла на работу. В душе она надеялась, что за сегодняшний день новости об исчезнувшей Лидии Ревнивцевой и исчезнувшей вместе с ней иконе восемнадцатого века все же появятся.

Глава 5

И новости появились, правда, не совсем такие, как ожидала Катерина. Новость пришла к ним в садик страшная и пугающая. К половине пятого вечера, к тому времени, как почти все мамочки и папочки разобрали своих детишек (рабочий день в Дубочках как начинался, так и заканчивался рано), на территорию садика пожаловал Иван Сергеевич – начальник охраны Дубочков собственной персоной.

Он прошел по дорожке, украшенной рабатками и цветниками, все еще радующими глаз благодаря хвойникам и декоративной китайской капусте, которой не были страшны начавшиеся холода и чьи краски лишь становились ярче благодаря наступившим утренним заморозкам. Высаженная еще весной, она все лето скромно занимала задние ряды, чтобы с наступлением холодов расцвести и порадовать ребятишек последними красками на клумбах.

Появление начальника охраны вызвало среди воспитательниц откровенное недоумение и даже панику. Все знали, что Ваня холост, детей не имеет, а значит, в детский садик его могла привести лишь служебная необходимость. И все воспитательницы и нянечки гадали, что такое могло у них случиться, что потребовался визит начальника охраны. А уж когда они увидели, что Ваня прямым ходом направился к новой сотруднице, вопросов стало еще больше.

Но если сначала все встревожились, то вскоре тревога улеглась, а ей на смену в души сотрудниц пришло совсем новое чувство, нечто вроде зависти к молодой воспитательнице. Несмотря на свой возраст, Ваня был самым завидным женихом в поместье. И глядя, как он тепло и дружески беседует с новенькой, другие воспитательницы изнывали от любопытства да и, чего скрывать, от зависти тоже.

– Чем это наша Катюша приглянулась Ивану Сергеевичу?

– Будто бы сама не понимаешь? Свежее мясо прибыло, а Ваня у нас ходок еще тот.

– Раньше он за замужними хотя бы не волочился.

– Все меняется.

– Неужели ему незамужних уже мало?

– Видать, сильно девушка ему по сердцу прилась, что он и мужа ее теперь не стесняется.

Однако если бы болтливые сплетницы решились подойти поближе, то они были бы крайне удивлены и озадачены. Ничего общего с любовной лирикой разговор Ивана Сергеевича и Кати не имел.

– У меня к вам просьба. Вы не могли бы проехать со мной?

– Нет, – смутилась Катя. – Я не могу. Мне нужно домой... к мужу.

– И все-таки, боюсь, что вынужден вас просить об этом.

– Но я же сказала: я не могу.

– Дело чрезвычайной важности.

– Пока не скажете, в чем конкретно дело, я никуда не поеду.

Ваня потоптался рядом со строптивницей, а потом признался:

– Мы нашли воровку.

– Поймали?

Катя была рада услышать хорошие новости. Но вот отчего вид у Вани совсем не радостный?

– А в чем дело?

– Поедемте со мной, – снова попросил у нее Ваня. – Очень вас прошу.

– Но я не могу, даже если бы и хотела. У меня еще не всех детей разобрали.

– Так дело только в этом? – обрадовался Ваня.

И оглядевшись по сторонам, он махнул рукой:

– А ну-ка, Людок, иди сюда!

Когда молодая женщина подошла к нему, он распорядился:

– Возьмешь малышей из группы Катюши к себе. Передашь их родителям в лучшем виде, поняла? Мы с ней немного покатаемся, но если родители малышни будут спрашивать, где их воспитательница, скажешь, что отправилась на ответственное задание. Ясно?

– Все ясно, Иван Сергеевич, – ответила девушка, стрельнув в Катю плутоватым глазом. – Все будет сделано.

И когда они вдвоем пошли к выходу из садика, она подошла к ожидающим ее товаркам и сказала:

– Совсем стыд потерял! Уже и к замужним клеится. Кататься ее повез.

– Опять печку включит на полную и будет ждать, когда она с себя всю одежду скинет.

И воспитательницы захихикали между собой. О проделках Вани многие из них знали, как говорится, из первых рук.

– Ни стыда ни совести у него нет!

– И куда только наш Василий Петрович смотрит?

– А ему что? Небось не с его женой Ваня шашни крутит.

– А говорят, что Ваня наш одно время и с Аленой Игоревной...

И склонившись друг к другу, три сплетницы принялись перемывать косточки хозяину Дубочков, его жене и начальнику охраны. А заодно досталось от них и Кате.

И как всегда бывает, в сплетнях, расцветающих на длинных языках этих сорок, не было почти ни единой капли правды. Когда Ваня усадил Катю в свою машину, он предупредил ее:

– Я сказал вам, что мы нашли воровку. Но это лишь часть правды. А вся правда заключается в том, что вам придется опознать ее тело...

– Тело? Другими словами, хотите сказать, что она?..

– Да, – кивнул головой Ваня. – Мы нашли женщину, похожую на Лидию Ревнивцеву, но, увы, уже мертвую.

Что-то нехорошее и холодное стукнуло Катю при этих его словах под дых.

– Она что... умерла? Отчего?

– Вот это самое скверное, – еще больше помрачнел Ваня. – Она не просто скончалась... Она была убита. Жестоко, я бы даже сказал, зверски.

– А что... что с ней сделали?

– Погодите, сами увидите.

Катя молчала, хотя ей очень хотелось сказать, что она передумала и никуда не поедет. Но в то же время она понимала: без нее расследованию будет обойтись трудно. Даже если в покойной другие люди опознают Лидию, то лишь одна Катя может узнать в ней воровку, умыкнувшую из церкви драгоценную икону. Поэтому Катя сжалась на сиденье огромного джипа и попыталась утешить саму себя уже тем, что если ей предстоит опознание, то, значит, там есть что опознавать.

– А икону? Вы нашли икону? – спохватилась она.

Ваня отрицательно помотал головой:

– Ни иконы, ни сумки, ни документов.

– А чемодан? – вспомнила Катя. – У нее ведь еще должен был быть чемодан?

– Чемодана тоже нету. Только лишь одно тело.

– А где... где вы ее нашли?

– Увидите.

Им пришлось выехать за границу Дубочков. Сначала Катя даже подумала, что они едут к ней домой, но потом джип свернул на лесную дорогу, по которой они проехали примерно с полкилометра, прежде чем остановиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.